

Германская градостроительная история Восточной Пруссии

Д.Б.Сухин, 2009—2010

Сетевая адаптированная версия. Печать воспрещается.
Полное издание ожидается в 2011 г. в «Энциклопедии Калининградской области»

1. Предисловие

В градостроительстве, а равно и в политике, Восточная Пруссия – аллювиальная земля: и короли тут были «в» Пруссии, а не «из Пруссии»; и жители, пусть и укоренившиеся, до последних дней всё считали волны своих миграций; и города, и государства – все они изобретались вовне и привносились сюда чуть ли не готовыми, становились родными. Эксперимент повторялся неоднократно, орденом, герцогом, королём, народным советом, и каждый раз – с нового листа: многократное повторение новых заходов, далеко не всегда успешных, выявило некоторые общие принципы: геометричность – и лёгкую потусторонность, личные свободы – и жёсткий патернализм, всё то, что вошло здесь в плоть и кровь и почву, стало неотъемлемой частью этой земли, рисунком её страниц. Средневековое обустройство Восточной Пруссии, её эволюция до середины века XX – не просто урок истории, но и наказ избежать ошибок при написании новых её глав.

Призванный в 1230 году польским королём Конрадом Мазовецким Тевтонский орден по Крушвицкому договору, вторгся в завислинский «Кульмский лен» и сразу же закрепился на переправе. Был основан Торн, за ним Кульм (1232 г.), потом Реден (1234 г.), Грауденц (1234 г.), и Мариенвердер (1234 г.). За считанные годы на карте появились 97 городов и почти полторы тысячи деревень: редкое государство похвалится такой успешной сплошной урбанизацией в столь короткие сроки; Восточная Пруссия столетиями жила наследием этого первичного импульса.

*Thorn, городские права с 1231 г.,
ныне Торунь; даты считаются
по городским правам*

Полутысячелетие после переселения народов и падения Римской империи было временем повсеместного усыхания городов до деревень, а деревень до пустошей. Священная римская империя германской нации, то есть собственно Германия, позднее возникшую Пруссию не включавшая, на всей своей территории насчитывала не более 40 городов, считая таковыми и уважавшие остатки римских поселений, в стенах не по размеру, и вольные посады, и слободы при замках новых феодалов. Воли к градостроительству в эти годы в западной Европе не найти – но пройдёт лишь немного времени, и западные рыцари в завоёванной Палестине покажут себя заядлыми и умелыми горожанами: что же произошло не немногие, в историческом масштабе, годы? – впервые за столетия Нгерманское село с середины XII века сумело накормить страну. Перейдя к трёхполью, оно стало вывозить урожай и специализироваться (прежде каждый был и швец и жнец); отказавшись от внутрисемейной, внутридеревенской автономии, породив архитипичного немецкого хуторянина-торговца, с караваном ходившего на ближние и дальние ярмарки. Ценою сытости и залогом свободы торговли стал отказ от «казачьей», анархической личной свободы оружного поселенца, перешедшего под княжью руку. Феодалы «замирили» поселян, перекроили прежде общие поля, обеспечили пахотой – и результат не заставил себя ждать: к 1050 году население Священной римской империи более чем удвоилось (до 5 миллионов), к 1200 году – ещё раз удвоилось; росли избытки урожаев, превращались в товар. Появились ярмарки, а там и ярмарочные города при бродах или у замков. Города доросли до собственных своих старых стен и выплеснулись вовне, но пока ещё не нашли своей формы, росли произвольно протоптанными улицами и округлыми палисадами

Некоторая осмысленность планировки появляется лишь после XI века, когда градоустройство переходит из рук торговцев, разбивающих шатры своего каравана где им сподручнее, в ведение сперва церковных, а затем и светских князей. У города появляется пространственный архетип: уличный торг, широкая площадь, тянущаяся через весь город; город превращается в разработанную область права (Магдебургский кодекс и его производные), и даже дохода: королей, городских корпораций и частных предпринимателей.

В Германии 16 миллионов, отправившей Тевтонский орден в помощь полякам против язычников-прусов, было уже до 3000 городов, причём закладка большинства из них пришлась на XII, поистине градостроительный век – Оттокар Богемский основал их более шестидесяти, один из них сразу нарекли Кёнигсбергом.

2. Орденский город

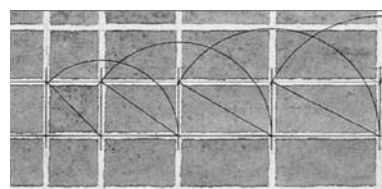
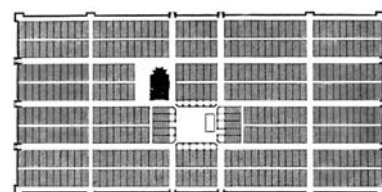
К XIII веку сытая Германия исчерпала внутренние сельскохозяйственные резервы, а рост населения всё продолжался. Часть крепостных шли в города, но немало отправлялись за волей, «казачествовать» в Магдебург и Бранденбург, Ангальт и Саксонию, Тюрингию и Силезию – и далее за Вислу. Именно в этот период мы сталкиваемся с профессиональным градостроением, начавшимся новыми, пока ещё иррегулярными городами первой половины XII века, и оборванном на пике взлёта чумой 1348 года.

Первичную форму «орденского» градостроительства новоприсоединённых тогда земель найдём в германском деревенском просёлке. Стоит его уширить и застроить короткие стороны, превратить улицу в площадь, и мы получим упрощённую форму позднейшего прусского города. Оставалось лишь обособить рыночную площадь от транзитного проезда, разложить весь план города по «модулю» рыночной площади и уравнивать размеры прежде различных по ширине проездов – и вот мы уже видим ортогональность, словно пришедшую из античности! Сходство наглядное но ложное; родство античного Милета или Тимгада с прусским Фридландом не простирается далее прямого угла.

Грек наполняет отведённое пространство гипподамовой решёткой, единица его города – квартал; довления главных улиц этот идеал не предусматривает. Римские колонии, напротив, строятся шеренгами по проспектам, выпуская лишь некоторые квадраты под рынок или амфитеатр. Германский искусственный город «внутренней колонизации» тоже таков, тоже начинается с улицы-хорды, но вовсе не прямолинейной – откуда ему эту ортогональность было бы знать? Унаследованные от римлян города не могли научить его чистоте планов, к началу восточной колонизации в XII веке она была утрачена вовсе, потребовался XIV век, чтобы вернуть им прежний вид. Строитель колонистского города несомненно был знаком с градоустройством Востока, недаром названия прусских замков не раз и не два вспоминали о Святой земле: Торн получил своё имя от замка Торон, Кёнигсберг и Нейгаузен тоже имели «побратимов» в Иерусалимских королевствах крестоносцев – но и истовым следованием Писанию, «больш[ой] и высок[ой] стен[ой]... с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот... расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и ширина» не объяснить, при всём сходстве, многочисленные орденские детища. Горний Иерусалим как формальный прообраз часто прикладывается к самым различным городам, самой разной геометрии: в Германии, Испании, России, но богоосе́нёность поселений всегда остаётся символической, духовной. Точно следовали формам «Откровения» разве что монастыри – но территория Тевтонского ордена вовсе не была одним большим аббатством!

Закладка города обязательно есть осознанный акт, здесь недостаточно следовать книжным образам или перенять форму с чужного плеча, чтобы построить свой город, нужно обзавестись собственным пониманием городской жизни, захотеть заложить именно город, а не что иное. Закладка города регулярного, заранее распланированного, требовала ещё более глубокого осознания всех аспектов своего творения:

- Закладка города – владыческий акт: никакой «дух времени» не смог бы расставить города по стратегическим точкам и заселить их столь единообразно, как произошло это в Пруссии – только сильная рука. Похожее известно и в испанской реконкисте, и в Америке конкистадоров, и на юге Франции.
- Закладка города – проектировочный акт, признак высокого искусства геометрии: должно быть заранее известно, сколько отмерить для участка мастерового, и сколько – для патриция, есть оценка трудо- и материалозатрат начатого строительства, готовность обеспечить их из подвластных земель, установить правила застройки и им следовать. Эпоха средневековья – период жесточайших строительных уложений; впервые после римской античности устанавливаются градостроительные нормы и применяются на практике.
- Закладка города – правовой акт. Жалованная грамота даровала привилегии: ярмарку, ремёсла, трактир, судейство, самоуправление («город делает свободным») – недостижимые мечты, запретный мир закрепощённых селян Европы. Градообразование вообще немыслимо в отрыве от крестьянского, вне-городского вопроса, тем менее орденскому государству, которому разноправие городских и сельских жителей было вовсе не свойственно. Не было в нём (за коротким перерывом) и крепостных – в Восточной Пруссии крестьянский мир не заканчивается у городских стен, один и тот же воздух веет над ними!

2.1. Геометрия власти, расположение городов и планировка земли

На языческие территории орден продвигался этапами. Заложив первые поселения Торна и Кульма, спустился вниз до Эльбинга; основав Балгу, получил в свои руки контроль над всем заливом и начал подготовку нового похода. В 1239–40 годы рыцари подчинили провинции Вармию, Натангию и Бартен; для защиты от литовцев в начале XIV века устраивается по тогдашнему рубежу пограничная засека Фридланд – Цинтен – Бартенштейн – Ландсберг – Велау – Растенбург; как ответ на восстание прусов выросли сильно укрепленные города Гейльсберг и Браунсберг, один – кульмский и сельский, другой – торговый любский. В метрополии подобная разномасштабность была бы знаком соперничества двух феодалов, на орденской же земле – отражением единой градообразующей силы, самовластно определявшей место и цель возникновения своих городов. Папской «Золотой буллой» (1226 г.) единственно ему отводилось право на земли и их недра, ярмарки и рынки, дороги и налоги.

Здесь не было многочленной цепи имперских зависимостей, где каждое звено в меру своих возможностей было бы градостроителем, была лишь пара орден – колонист, что не преминуло отразиться на поселениях, не строившихся, как в метрополии, одним князем в ущерб другому. Города возникали в местах, где природа их никогда бы не породила, но где их наличия требовала государственная стратегия.

Города расставляли по удобным для обороны местам: у слияния рек, по судоходным руслам, в засеках, за болотами. Позднее именно такая расстановка-«ухоронка» сохранила на века схемы XIII века, предотвратив и взрывной рост индустриализации, и перепланировки прочих лет: города довольствовались формами, дарованными им «на вырост». В метрополии, напротив, города росли быстрее и неравномернее, реконструировались и вскоре утратили облик, некогда и им присущий. Восточная Пруссия, получив вполне разработанные градостроительные схемы высокого средневековья, надолго смогла их сохранить.

проезжие дороги от города к городу, от ярмарки к ярмарке, появились гораздо позднее

В применении на местности абрис города ставился выше форм ландшафта: характерный прямоугольник орденского города не становится, природе под стать, трапецией или, как московский Кремль, треугольником, даже если сохранение равнозначно-сторонней планировки вело к значительным расходам. Так, во Фридланде перенос переправы к новому городу, заложенному среди чащоб и болот, вылился в ежегодное строительство нового моста, постоянно сносимого паводком; Кёнигсберг долгие века карабкался на крутой подъём у западных башен замка – ранне-орденский гораздо более пологий объезд замка с севера и востока хоть и сохранялся, но развития не получил, вероятно, из-за несогласованности с предзаданным рисунком плана.

Подобный жёсткий схематизм можно считать знаком нового, идущего на смену «неправильному» прусскому поселению. Орденские города, действительно, зачастую возникали на месте прусских селений, замков и памятных мест, обычно выгодно расположенных в военном аспекте, но не следовали им ни в трассировке застенных улиц, ни в линии стен. Таковы

Балга = Хонед

Крейцбург

Тапиу = Суеурби

Фридланд

Велау = Ветало

Лабиау = Лабегове

Тильзит = Шалевен

Хейлигенбейль = Свентомест

Гердауэн = Гирдав

Прейсиш-Голланд = Оцек

Торн

Цинтен

Кёнигсберг = Твангсте

Раанит

Фишгаузен

Вероятно, прежние прусские городища и капища сжигались сразу после взятия, закладка нового проходила с чистого листа, деревни же прусов сохранялись, как не мешавшие германским поселенцам.

Страна была знакома и с многоградием, оптимальным размером города считался удобный для пешего хода радиус в 250 м от центральной площади и ратуши. При превышении его принято было закладывать у стен следующий законченный по композиции город, со своим торгом и своим правом. Через несколько столетий тот же габарит стал радиусом жилмассивов.

до в 1230 г. в Пруссии было 14000–220000 человек. В 1400 г. население достигало около 14000 прусов, 103000 немцев и 27000 поляков

в Кёнигсберге городов, слобод и поселений было до десятка

Урбанизация шла от большего к меньшему, не города рождались из деревень: деревни строились городами, которые и сами были вооружёнными деревнями в 40–50 семей за крепостной стеной. Лишь после полного подавления всех восстаний появились необвалованные деревни, преимущественно уличного типа, на 12–24 двора, сначала – в Кульмском лене (1282 г.), позднее – и далее по завоёванным землям, всего около 20000. Их первоначальная форма вскоре утратилась (после 1410 г. оставалось не более 3000

деревень), при повторном заселении после войн и эпидемий они оформлялись заново. Рост деревень до городов, обычная последовательность урбанизации, отмечается лишь в герцогский период или же на Самбийском полуострове, пусть его разросшимся деревням так и не удалось обзавестись городскими грамотами до самого конца германского владения. Плотность расселения находилась в прямой зависимости не только от государственно-оборонительных причин, но и от наличия (сохранения) первоначального населения: причиной редкой и разительно деревенской системы Самбии следует счесть всё те же восстания, подавленные здесь с такой силой, что уцелевшие сами утекли в Литву. Взамен пришли судава, которых приходилось целенаправленно насаждать, чтоб служили они на фермерских хозяйствах – так единственным городом епископии стал Фишгаузен, а первая «полноценная» деревня Самбии появилась лишь в 1407 году. В Западной Пруссии, занятой с меньшим сопротивлением, деревни, напротив, предшествовали городам, сохранялись лучше и предопределяли более сложные формы городов.

Неотъемлемой частью города был общинный выгон и, у каждого домовладения, «вечно нераздельное» поле в два моргена вне крепостной стены, всего около 30 гуфов. Горожанам эти «приусадебные хозяйства» были источником пропитания. Бывали сады и внутри периметра стен, ими становились резервы площадей, оставленных свободными в ожидании частого, в начале, набега. Крестьяне тогда спешили под защиту стен и разбивали лагерь на подобных пустошах. Расстояние в 15–30 км между городами обеспечивало не только защиту: из самого отдалённого надела крестьянин мог в один день мог доехать до городских ворот – и вернуться.

В мирное время сады на пустошах внутри городских стен сделали прусский город столь отличным от имперских городов IX–XII веков. Зажатые феодальными владениями, в метрополии города тянулись ввысь – восточнопруссские раскидывались, подобно Царьграду. Межгородское расстояние и доступность поселянам предопределяла роль города как ремёсленного центра: здесь ставились орденские мельницы, обязательные к использованию, и не менее обязательные орденские пивоварни, и ремёсленники – своих поселянам не дозволялось заводить. Последний запрет продержался до 1809 года.

«kulmische Hufe» = 30 прусских моргенов, 17 га

2.2. Геометрия плана, развитие рисунка города

От извечности к геометрической абстракции новые города Германии двигались уже с X века; простейшую форму показывает Рохлиц-на-Мюльде, чей новгород конца XII века – одна-единственная улица, протянувшаяся от замка до восточных ворот. Здесь близка ещё первоначальная деревня с общинным выгоном; тюрингцы основали множество таких одноуличных городов при колонизации Силезии в начале XIII века. Перпендикулярным проездам значительно меньшей ширины здесь отводилась роль служебных, и лишь к концу XIII века доминирование продольных улиц уступило место равноценности обеих планировочных направлений, столь характерному для заселения Восточной Пруссии – но уже несколько ранее, в веке XII, образовался иной архетип, находимый нами в Восточной Пруссии: любская градостроительная схема.

Любек, сильный и вольный город, богатейший член ганзейского купеческого союза, неоспоримый арбитр любского морского права, содействовал ордену на Балтике, отчего главные портовые и торговые города здесь следовали именно его традиции. Первым, при впадении одноимённой реки в залив, встал Эльбинг (1246 г.); за ним последовали

Браунсберг, 1254 г.

Данциг (1224–1295 гг. по любскому праву)

Кёнигсберг-Альтштадт, 1286 г.

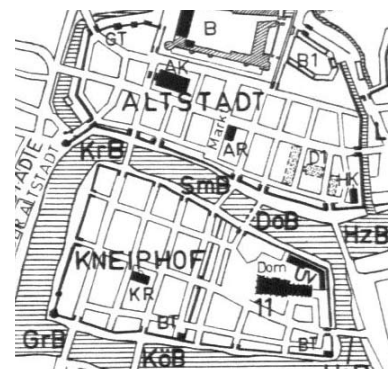
Кёнигсберг-Кнейпгоф, 1327 г.

Мемель, 1258 г.

Фишгаузен, 1305 г.

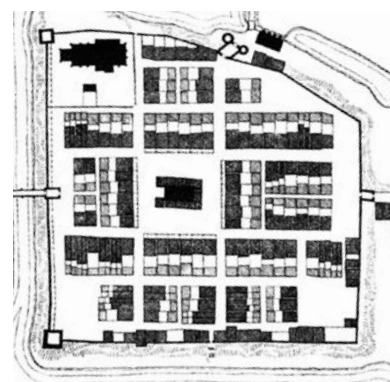
Фрауэнбург, 1310 г.

В таких городах длинному торгу, следовавшему течению реки, сопутствовали слева и справа параллельные проезды меньшей ширины, а часто расположенные поперечные проулки, застраивавшиеся пакгаузами, соединяли их с водой и пристанями, обеспечивая удобный подвоз товара. Один из переулков обычно оставлялся шире других, придавая рисунку плана сходство с крестом: эти перекрестья, иногда и с особым отступом от красной линии застройки, обычно избирались местом для ратуш. Городские церкви, напротив, значительно отодвигались от магистрального проезда, и церковный двор, сперва бывший кладбищенским, отделялся от дороги рядом домов. Превращение кладбищ в церковные площади, по санитарным причинам, стало поводом возникновения узких кварталов-строчек, встречающихся только в подобных сочетаниях.

Один лишь факт прибытия колониста-нижнегерманца на любекских кораблях, очевидно, не обязывал его к некоей форме расселения. Непригодна была и схема-линия, предполагавшая бы дуализм «посад – замок»: даже и там, где замки (некогда) присутствовали, они города не закрепили, оставшись словно вне рисунка улиц, как в Кёнигсберге или Нейденбурге; к ним не сходились улицы, у них не устраивались площади, они – многозначительно отсутствовали.

При отсутствии явного ориентира в виде города-патрона или объекта (замка)-образца, общей схемой большинства орденских городов XIV века стал абстрагированный от местности четвероугольник на плоскости, по возможности сориентированный по странам света, с двумя, позднее четырьмя противоположными воротами в середине каждого из прясел; с дорогой, по прохождении ворот немедленно разделяемой на две параллельных улицы, на квартал отстоящие друг от друга; с рыночной площадью шириной в такой квартал; с «чистыми» улицами, перпендикулярно отходящими от углов этой площади. Любское разделение проездов на продольно-парадные и перпендикулярно-служебные здесь развилось до сети поименованных улиц, выходящих на рынок, с обращёнными к ним главными фасадами домов – и сети безымянных служебных переулков, ведущих к чёрным ходам. Две решётки проездов, словно наложенные друг на друга, существовали, существовали друг друга не замечая и архитектурно не артикулируя; каждый домовый участок получал парадный и чёрный подъезды, а потоки людей и повозок распределялись между ними. Первоначально система была сложнее, трёхчленной: между фахверковыми тогда домами оставлялись проулки во избежание переброса пламени, или даже четырёхчастной, с аркадными улицами-галереями у базара – можно найти в них сходство с сирийскими или, скорее, силезскими, строившимися незадолго до прихода ордена в Пруссию. Упадок орденского строительного надзора отразился в полном исчезновении чёрных проездов и торговых галерей, присоединённых к домовладениям, заложенных или вовсе сломанных. Вормдитт, Гейльсберг, Зольдау, Мариенбург, Морунген, Фридланд и Хейлигенбейль, вообще Вармская епископия дольше сохраняли галереи,

прежде характерные для всей Восточной Пруссии; система чистых и чёрных улиц вплоть до Первой Мировой войны украшала Прейсиш-Голланд и доказала свою пригодность более чем шестистами годами стажа.

Середина окаймлённых улицами площадей-«колец» оставалась незатронутой транзитом транспорта и отводилась для торга. Таковы, в орденской области,

Алленбург (1400 г.)	Алленштейн (1348 г.)	Бальденбург (1382 г.)	Бартенштейн (1332 г.)
Бишофсбург (1395 г.)	Бишофсвердер (1331 г.)	Бишофштейн (1385 г.)	Бютов (1346 г.)
Вартенбург (1364 г.)	Велау (1336 г.)	Вормдитт (1359 г.)	Гарнзе (1334 г.)
Гейльсберг (1308 г.)	Гердауэн (1389 г.)	Гильгенбург (1326 г.)	Гогенштейн (1359 г.)
Грауденц, (1234 г.)	Гутштадт (1329 г.)	Дейч-Эйлау (1305 г.)	Домнау (1400 г.)
Дренсфурт (1405 г.)	Зальфельд (1305 г.)	Зебург (1338 г.)	Зенсбург (1444 г.)
Зольдау (1344 г.)	Йоганнисбург (1451 г.)	Крейцбург (1315 г.)	Кристбург (1290 г.)
Кульм, (1232 г.)	Ландсберг (1335 г.)	Лауэнбург (1341 г.)	Либемиль (1334 г.)
Мариенбург (1276 г.)	Мариенвердер (1234 г.)	Морунген (1327 г.)	Мюльгаузен (1338 г.)
Нейденбург (1381 г.)	Норденбург (1405 г.)	Остероде (1329 г.)	Пассенгейм (1386 г.)
Прейсиш-Голланд (1297 г.)	Растенбург (1357 г.)	Рёсель (1337 г.)	Ризенбург (1330 г.)
Розенберг (1305 г.)	Торн (1231 г.)	Фрейштадт (1331 г.)	Фридланд (1312–1335 г.)
Хейлигенбейль (1301 г.)	Цинтен (1313 г.)	Черск (1386 г.)	Шиппенбейль (1351 г.)
Штум (1416 г.)...			

Первоначально параллельные улицы стягивались к въездным воротам, превращая окраинные кварталы городов в трапеции – в Волау (1285 г.) или в Цигенхальзе (1263 г.).

У рынков параллельные улицы заужались домами, выдвинутыми за «красную линию» на 5–6 м и тем его ещё чётче оформившими рыночные площади как в плане, так и зрительно. Первоначально такое выдвижение внутрь правильного прямоугольника, описанного улицами, создавали лёгкие торговые галереи перед лавками, позднее их обстроили в камне. С ними боролись, как позднее и с верандами-«бейшлагами», но они обзаводились верхними этажами и оставались на века – а иногда и вовсе входили в массив застройки, оставляя на память о прежнем мотиве лишь заужение проезда.

Иной вариант развития показывает Шиппенбейль, где пара улиц последовательно проходит три площади. Близки к идеальному исполнению прямоугольного архетипа планы Алленбурга, Нейденбурга, Браунсберга и Фридланда. На землях метрополии им равных не было, они там и не строились, и не по причине неприемлемости подобной планировки – не оставалось пространства к закладке новых городов столь совершенного типа, поля здесь уже получили своих крестьян!

«Beischlag», возвышенная веранда на тротуаре, позднее — застеклённая многоэтажная пристройка

Рынок был центром тяготения почти каждого средневекового города, центром ближней и дальней торговли, а центр рынка (или перекрестье рынков, если город следовал любской схеме) отводился ратуше. Позднее такое расположение стало читаться символом градского самосознания, тем более, что роль городов провинции как оборонительных форпостов или центров провинциального же управления постоянно снижалась (управление концентрировалось в столице), но исток его прозаичен: ранние ратуши, гильдейские залы, рождались как залы торгов, и сплошь остраивались торговыми галереями; рынок венчал ратушный шпиль, рынком порождённый. Лишь утрата первоначального здания, случавшаяся обычно в герцогский или королевский период, объясняет иное расположение ратуши (Гердауэн).

Церкви, при всей своей величине, зачастую небывалой и несоразмерной, казалось бы, маленьким городкам, не служили организующим элементом рисунка орденского городского плана. Даже встав на места, словно созданные для довленья над городами, церкви не становились градостроительными центрами и не оспаривали уличную раскладку от рынка. Даже и самые крупные орденские замки, вмещавшие в беспокойный (до-городской) год до 400 человек насельников, не строили вокруг своих доминант отдельных площадей! — они создавали своим утрированным объёмом далеко видимый образ города, но при том подстраивались под разложенную сетку незастроенных ещё улиц, отгораживались от сетки дорог рядом домов причта, и лишь в исключительных случаях выходили собою на пространство главного торга. Подобная «обставленность» храма домами низкого назначения не была признаком небрежения религией, скорее здесь

городские церкви Пруссии сродни гигантским соборам Латинской Америки: они предшествовали своим общинам и окормляли значительные территории. Деревни, напротив, столетиями обходились без собственных церквочек.

можно увидеть глубокое понимание строительных масштабов: церковь государственной величины вырастала из скопления горожан у своего подножья – и им же была своей величиною обязана! В полувоенном-полумонашеском орденом государственном храмо-строении и градо-строении шли рука об руку – а потому не знали городской типологии трёх «властных полюсов», распространённой в метрополии. Создававшиеся здесь двуединые ратушно-храмовые площади, связанные короткой церковной улицей или наугольно представляли собой совершенно иной, мелкомасштабный и функционально обоснованный бесконкурентный тип построения согласованного пространства, принципиально отличный от тройки соперников замок – храм – ратуша. Не только замки в делах городского плана почти не участвовали, бывало, что церкви и вовсе не находилось места в решётке городских улиц и церковный двор устраивался во внешних углах крепости, в колоне крепостной стены (Велау), в местах, обычно занимаемых в крепостях цитаделями и лишь незадолго до того покинутых расформированным орденом постом.

Модулем планировки служило «владельческое копьё»: в «природных» городах Запа-да, реконструированных средневековыми градо-строителями, это правило обосновывало снос прилепившихся к фасадам пристроек; в новозаложенных – определяло ширину ещё не построенных проездов. Размеченные при закладке от рынка до самых стен, они выходили далеко за ареал первоначальной застройки и, в сочетании с медленным ростом здешних городов, обеспечивали на годы вперёд единый шаг восточнопрусского поселения.

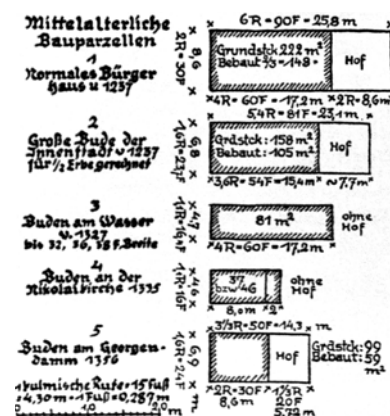
Дома Восточной Пруссии, обычно фронтоные, были уже по фасаду, чем их современники в метрополии, даже и в собственном прототипе: те, что в Любеке насчитывали до семи осей по фасаду, в Восточной Пруссии редко достигали четырёх. В любском Кёнигсберге средний участок был два кульмских прута или 30 футов шириной и четыре-пять протов длиной (17,20–21,50 м), что меньше, чем в иных городах. В Фишгаузене обыкновенный участок был несколько уже, 24–27 футов, но выделялся длиной, 160 футами (46 м) далеко оставляя за собой идеальные квадраты Фридланда: здесь ширина улиц и участков совпадали и равнялись 30 футам (8,64 м), девяностофутовая глубина участка втрое превосходила ширину, а сторона города вдесятеро превосходила глубину участка, достигая 810 футов (233,38 м) – очевиден троичный мотив, посвящение города через пифагорейские гармонии в средневековом изложении. Сходны взаиморазмеры и в других городах: в Норденбурге город первоначально занимал прямоугольник 300 x 150 м (рынок: 28 x 52 м), в Гердауэне рынок занимал четырёхугольник 90 x 120 м (во Фридланде – 65 x 75 м), сохраняя при том масштабность всех более мелких членений.

Все храмы и замки также строились кульмским футовым модулем.

Дополнительно городские участки различались по величине на «целые дворы», «половинные» (полной глубины, но половинной ширины по фасаду), и «будки» (фасадом обращённые к переулкам, длиной не превышавшие половины глубины «целого» участка). Дробные участки возникали как результат наследственного деления участков полноразмерных, когда, как и было принято по всей Германии до конца XIII века, а в Эльбинге, Браунсберге и Кёнигсберге и позднее, дома делились между собственниками не поэтажно, а по вертикали, сохраняя и на уменьшившемся участке типичную систему вертикального функционального зонирования дома. При последующих перестройках такие неудобные участки вновь сливались с соседними, что вело к разнообразию длин фасадов. Кварталы обыкновенно вмещали 10–15 домов, высотой до карниза, обычно, не более 30 футов. Более высокие постройки требовали отдельного дозволения магистрата.

Фахверковый модуль нижненемецкой традиции (с некоторыми изменениями, объяснимыми требованиями климата), перенесённый в Восточную Пруссию и покори-вший её всю, в сочетании с гигантским единомоментно появившимся объёмом строительства вёл к типизации, и, вероятно, к использованию элементов «заводской» или, в те годы, «мастерской готовности». Подобное мы найдём и в российских крепостях (Свияжск). В кирпиче строилось (после церквей и замков, окаменевших в 1260е гг.) духовенство; позднее, и горожане – но ещё в начале XVIII века количество каменных домов было так мало, что прозвание «Steinhaus» часто служило достаточным адресом. Вся прочая Восточная Пруссия и до самых своих последних дней оставалась деревянной и горела столь же часто, как и Москва: Фишгаузен полностью разрушался и выгорал в 1462, 1673, 1677 годах; Лабау – в 1685, 1689, 1721, 1810 годах, прочие не отставали. Вплоть до

*«rechtschaffener Speer»,
определение ширины улицы
через длину копья — рыцарь, по
улице проезжая, концом копья не
должен был касаться стен.*

XX века местная «Строительная газета» особую колонку отводила пожарам городов, не помогая даже водопровод, известный в провинции (Фридланд) уже в 1400х годах.

Город, не имевший при закладке иного обоснования, кроме фортификационного, вне сетки дорог и вне торгового обмена с другими городами, определяющим своим элементом не мог выбрать что либо, кроме крепостной стены – она одна, вкупе с государственной волей, дарила ему существование. Город обходился не только без цитадели, но и без гарнизона, тогда ещё не изобретённого; от набегов литовцев или восстаний прусов защищаться приходилось лицам гражданским, а потому город-крепость проектировался так, чтобы даже и непрофессионал, сбежавший под защиту стен крестьянин-колонист мог его оборонить! Пруссак тех лет – вовсе не закованный в железо рыцарь, а квадратность его кварталов – не отражение вседвоящей страсти к порядку, а ещё и успешная попытка сочетать удобство парцелляции с равнолётным доступом ко всему оборонительному периметру. Прусский город ценен не элементами своей застройки; взятые по одиночке, его дома банальны и скучны, ведь собственной знати земля эта не имела, а орденские братья были всего лишь администраторами. Поселенческие дома нуждаются в стяжке красивой стены, плотно, но вольно их облегающей, чтобы суммарно лишь произвести некий эффект; зачастую именно городская стена и вела к скромному, от контраста, виду домов за ней, так как внутренние стороны проездных башен – Высокие ворота в Алленштейне, Гейльсбергские ворота в Бартенштейне, Каменные и мельничные ворота в Велау, Рыночные ворота в Эльбинге, ворота Ризенбурга – украшались особо. Даже кратковременное укрепление (в Норденбурге стены срыли уже в конце XVII века) способно было задать долговременный импульс городу, даже и простой палисад – Фишгаузен, никогда не обладавший поясом каменных стен, а лишь нерегулярно поновляемым палисадом (и тремя воротами), столетиями держался орденских уложений, не требуя письменной фиксации.

Первоначальные земляные валы и деревянные палисады вскоре сменили кирпичные стены с тех сторон, где не подступали бы от природы неприступные стороны рек и болот. Замкнутые оборонительные пояса появлялись много позднее, так что город орденского плана обычно окружала стена гораздо более позднего века, чьё очертание не согласовывалось с формой города. К концу прусского градостроительства стеностроительство и вовсе стало самодовлеющим: в годы русско-прусского союза XIX века, в самый долгий период мира в Европе нового времени, Кёнигсберг лихорадочно возвёл оборонительный пояс, спасаясь от России же, и, достроить не успев, возопил о непомерных этим строительством вызванных налогах и обременении городской жизни наличием лишь редких и узких ворот. Впоследствии эта новая стена оказалась как никогда лучше описывающей свой город, породив новую согласованную пару.

2.3. Геометрия права, городское и строительное право

Важнейшей предпосылкой успешной колонизации Пруссии стало дарование орденом в 1233 году двум первым своим городам «Статута Торна и Кульма», вскоре распространённого на все города и земли ордена: он обещал подлинный крестьянский рай, без выдачи, без крепости, без барщины, с правом наследия или перепродажи.

«Высоко-» или «старокульмские» колонисты обладали правами, о которых в метрополии боялись бы и помыслить: собственным судом, правом пивоварения, рыбной ловли в общинных водах, охоты на мелкого и среднего зверя, сбора хвороста в казённых лесах, в исключительных случаях даже правом на собственную мельницу. Кульмские поместья бывали отдельно лежащими усадьбами, иногда и с собственными колонистами «второго порядка»; кульмскими деревнями, кульмскими кабаками и мельницами с полями при них. Кульмские колонисты должны были являться по зову ордена конно и оружно – в мирное же время платить малый оброк. Рай, да и только!

Как и изо всякого рая, и из этого можно было быть изгнанным: участки раздавались не в собственность, а в наследственное управление, так что и после длительного житья орден, герцог или курфюрст могли участок признать «неверно используемым» и изъять. Лишь в 1685 году подобная практика в отношении кульмских поместий была отменена, но возродилась вскоре в колониях Фридриха II. В отношении пруссов, даже и мирно перешедших под власть ордена согласно заключённому в Кристбурге договору (1249 г.), действовало более суровое прусское польское право: земли не делились, наследовались только по прямой мужской линии, а по пресечении её становились орденскими. С XIV века и немецких колонистов ждало не кульмское, а магдебургское право, и с теми же условиями возврата земель. Прусов от крепостной зависимости могла освободить присяга и крещение; пусть эта привилегия императорского указа (1224 г.) после каждого прусского восстания и урезалась, но немецким крестьянам метрополии не давалось даже и подобной! Восточная Пруссия была близка утопиям Томаса Мора (регулярность, всепроницающая невидимая власть, законченность, самодостаточность), – в той мере, как такие утопии только и могут быть осуществлены.

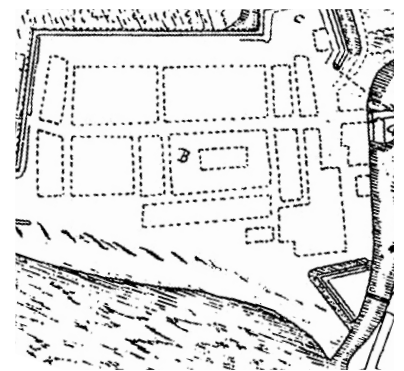
Города орденом закладывались рьяно, сразу вдруг, ещё до заселения получая права, за которые другие боролись столетиями (оттого первые признаки городского недовольства в Пруссии появляются лишь сравнительно поздно). Правовой основой и высшем арбитражем Кульмскому уложению служил Магдебургский кодекс, с элементами силезского золотого и фрейбергского серебряного права, а также со значительно расширенными правами наследования по фламандскому образцу. Жалованные грамоты городам и деревням, при всём правовом единстве, всё же существенно разнились, а морские города и вовсе жили по любскому праву, как более соответствовавшему их портовой роли. Случались и перемены статуса, если городская жизнь того требовала: Данциг сменил целых три, его первоначальному любскому статуту 1224 года следовал магдебургский в 1295 году и, наконец, кульмский в 1343 году. Можно предположить, что и Фишгаузен, заложенный рыбацким городом при епископском замке и планом получивший трёхлучную «любскую» схему параллелей, именно потому жил по статуту Кульма, что не удалось превратить его в торговый и портовый центр. Имён орденских проектировщиков нам история не сохранила, и именно это «небрежение» позволяет считать, что были они не приглашёнными со стороны мастерами, с которыми составлялись (и сохранялись) контракты, и не уполномоченными мирянами-«локаторами», которым получалось исполнение плана на месте, а орденскими братьями невысокого звена. Орден принимал дворянских отпрысков со всей Германии, всей Европы, в этой «корпорации» находилось место и управителям, и завоевателям, и созидателям. Участие поселенцев в возведении городов было, напротив, сугубо исполнительским.

Орденский подход к организации строительства сохранился неизменным до самых последних дней и пережил секуляризацию. В дополнение к мариенбургскому «Экономскому своду» Альбрехт, последний магистр, издал «Строительный регламент», где кодифицировал существовавший и до того порядок ведения строительства, торгов и подрядов, обязал вести понедельную документацию вверенных им строек: главноначальствующим на казённой стройке

*«Kulmer Handfeste»
«jus colmense»*

особо отмечаются случаи дарования прусам кульмских прав: например, при закладке Фишгаузена

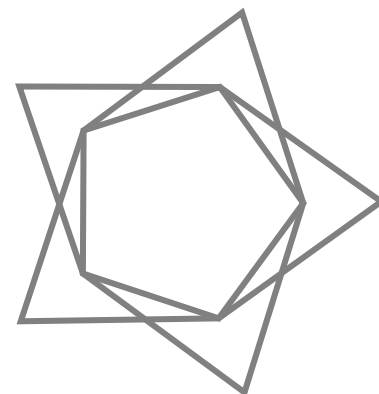
«Preußischer Bund» или «Bund vor Gewalt», 1440 г. в Мариенвердере наследование по обеим линиям, со вдовьей половиной совместно нажитого имущества, и неоспоримым приданым

*«Marienburger Treßlerbuch»
«Dienstordnung für den Baumeister»*

назначался комендант, каждодневный контроль принадлежал кастеляну, тогда как исполнительская и проектная часть, зодческая в современном смысле, орденом традиционно передавалась в ведение руководителя строительной колонны, лица высокопоставленного и вполне автономного. Известны рабочие поездки орденских зодчих из Кёнигсберга для ознакомления с достижениями зарубежных государств. В цехах зодчие не состояли, напротив, находились с ними в напряжённых отношениях.

Постоянно действующие артели или ложи известны в Германии с XI–XII века. Они включали около 30 мастеров разных профессий, с соответствующим числом подмастерий и рабочих: на строительстве замка в Лабиау в 1386 году 544 рабочих копали одни только котлованные рвы. Весьма вероятно, что орден, отбиравший своих колонистов «по пригодности», мастеров-строителей также приглашал лишь проверенных, заработавших свои звания в строительных ложах метрополии, и они несли сюда свои формы. Только такой пришлостью можно объяснить епископскую резиденцию в Гейльсберге (1350–1372 гг.): квадратный корпусом (39 м) с двором-клуатром (11 x 12 м) – не было ничего менее приспособленного к снежным прусским зимам, как эти открытые галереи, с дверьми, непосредственно ведущими в помещения! Лишь ранние замки (Балга, 1239 г.) учитывали требования местности, тогда как более поздние нарочито ими пренебрегали, словно утверждая свою инакость от условий этой земли. Вероятно, именно искусственность, видимая рукотворность и нездешность этих форм прибавляла им привлекательности: созданный по образу и подобию Творца человек доказывал свою богоугодность творчеством, создавал другую природу – и вот уже соборные строительные ложи берут себе символом правильный пятиугольник, в природе не встречающийся.

Артели выступали зодчими, но градостроителями они не были, напротив – действовали согласно по выданным им планам и детально разработанным строительным правилам.

Многие их имена утрачены, гораздо лучше сохранились сведения об уполномоченных орденом слободчиках-локаторах и набранных ими поселенцах – хотя и ни первые, ни вторые градостроителями не были тоже. Удостоенные доверия немцы-первоколонисты, а позднее и онемечившиеся прусы, получив повеление основать в заданной точке поселение, и получив обязательный к исполнению генплан, направлялись вербовщиками в метрополию. Набрав, согласно заданию, на каждый конкретный город определённое количество колонистов, они во главе переселенского каравана возвращались на отведенные им территории. Земли размечали согласно генплану, распределяли по местам торговцев, ремесленников, крестьян, скотоводов, рыбаков, группировали их по профессиям (тем снимая необходимость в последующих реконструкциях по санитарно-техническим соображениям, распространённых в не-орденских городах), отводили им наделы и поля.

Города заселив, локаторы получали десятину отведённых городу или деревне земель и освобождение от податей и оставались у кормила власти. Они становились городскими старостами, сперва наследственными, позднее – по пресечении рода, обычно в середине–конце XIV века – выборными, хотя были и города, изначально получавшие сменных глав. Старосты, даже и избранные, должность свою исполняли пожизненно, и сами отбирал себе 4–8 товарищей-магистратов. Такие «выборы» не могли не превратиться в кооптирование гильдейских мастеров и прочих городских патрициев, массы горожан вовсе не затрагивая. Иногда дополнительным органом при магистрате служили 8–12 депутатов, породившие, позднее, бургомистров и приведшие к снижению роли старостата, сохранившего за собой, после утраты градоуправления, лишь судебную власть первой инстанции. Постоянным представителем – ордена, герцога, короля – в город назначался градоначальник.

*из XV века известен зодчий
мариенбургского и тильзитского
замков и, вероятно, главный
архитектор ордена, Никлаус
Фелленштейн (Niclaus
Fellensteyn)*

*Erbschulze; подобной
наследственности не знали
даже орденские гротмейстеры*

Подобным обычаем Тевтонским орденом в XIII веке заложены десять городов; в XIV, вплоть до 1410 года и сражения под Танненбергом – 43; до Второго торнского мира в 1466 году – три; до секуляризации в 1523 году – ни одного.

3. Герцогский город

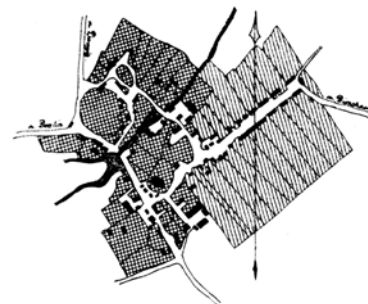
Проигрывая собственным восстающим горожанам, подкошенное эпидемиями и утратившее, за переходом всех окрестных земель в христианство, суть своего миссионерского существования, а с нею и материальную поддержку метрополии, государство Тевтонского ордена переродилось герцогством Прусским. Урезанное Торнским миром 1466 года и потерявшее западнопрусские кульмские земли, урезанное до преимущественно сельских восточных областей герцогство пережило беспокойный период становления, завершившийся лишь в 1525 году Краковским миром и признанием польского вассалитета. Столетие спустя, Велауским миром 1657 года герцогство освободилось от этого ярма – «национальную мечту» помогли обрести внутренние резервы, культурный авангардизм и успехи дипломатии.

орден регулярно призывал рыцарей из метрополии для крестовых походов на восток, а мирян – к пожертвованиям на их проведение, ведя, таким образом, экстенсивное хозяйство государственного масштаба

3.1 Расселение: закрепление на площади

Орденская колонизация предпочитала легко доступные территории при побережье Балтийского моря и вдоль судоходных рек: восток Пруссии даже и до XVI века описывается как непролазная чаща. Полноправных орденских поселений или привилегированных городов здесь почти что и не было, преобладали планировочно неоформленные хутора и природного образа посады у замков. Неизвестно, какой формы придерживались здесь деревни пруссов и придерживались ли вообще – немецкие хроники подчёркивают только их иррегулярность и то, что новому заселению они, за малочисленностью, не препятствовали. Впрочем, и немецкие дворы были невелики, и, даже при привлечении пруссов, недостаточны для автономного существования: Уложение 1417 года особое внимание уделяло вопросам сельскохозяйственных рабочих, законодательно установив их подённую плату: забота о рабочей силе надолго станет важным вопросом прусских властителей.

Утратив на западе окультуренные уже кульмские земли, вынужденный заботиться о разрушенных десятилетними боями Остероде, Морунгене и Прейсиш-Голланде, герцог Альбрехт открыл на востоке дорогу планомерному заселению сельской Пруссии в деревенской, а не крепостной форме. Литовские войны более не требовали дорогостоящих укреплений, а введение тогда же крепостного права в польско-литовском королевстве вновь обеспечило приток в его державу искателей крестьянской воли. Старостам и градоначальникам было поставлено в обязанность привлекать колонистов, межевать поля, расчищать леса. Новые деревни востока, магдебургского права, как и их предшественницы в центре и на западе Восточной Пруссии, были уличного замкнутого типа, ставились независимо от деревень прусских (хотя зачастую и по соседству) и, с течением времени, поглощали последние. Прежде чем в 1656–1657 годах татарские набеги, а в 1618–1648 Тридцатилетняя война оборвали поток переселенцев, герцогство успело прирасти ещё и двумя потоками голландцев, бежавших императора Карла V. В 1543 году 1300 человек осели в Прейсиш-Эйлау и Кёнигсберге, а в 1556 году – у соплеменников в Прейсиш-Голланде. С 1466 года от польских магнатов сюда бежали мазовцы, селившиеся на юге; наплыв колонистов заставил в середине XVI века провести административно-территориальную реформу. Тех же лет и изрядное количество новых сельских церквей: собственный храм перестал быть привилегией города, уменьшился размером и сам отправился в дальние медвежьи углы.

При таком заселении нельзя было ожидать единообразия построек. На востоке, в Прусской Литве, встали пёстрые литовские дворы, отдельно стоявшие срубы с маленькими окнами, скатными или полувальмовыми крышами, фронтонами, забранными досками стоямя или параллельно уклону крыш, и богатой резьбой по окнам, дверям, наугольным столбам подфронтоным верандам. Рыбаки тут жили сходно с крестьянами, но их стоящие дома под общей крышей сводили вместе и комнаты, и хлев, и сарай: такая планировка лучше отвечала суровому приморскому климату. Мазурские дворы строились замкнуто, зато внутри дворов обращались верандами, или хотя бы декоративными нишами лаузицко-богемского типа. Здесь тоже зашивали досками фронтоны и украшали резьбой центральный столб, но скупее литовцев, и без яркой раскраски. Замбийские, натангские и бартские дворы отличала свободная планировка, обилие поздненемецкого фахверка во фронтонах, и, как и в Мазурии, неглубокие ниши по торцам домов, совпадающие с членениями второго этажа. Вармский тип строений отличался не только замкнутой формой двора, но и исключительно глубокими верандами-залами, иногда вдоль нескольких сторон дома. Оберландский, мариенбургский и эльбингский типы были выше, в два этажа и с глубокой лоджией по продольной стороне и мелким фахверком во фронтоне – в региональные стили деревень слились национальные обычаи поселенцев из разных краёв, тогда как в орденском государстве национальные общины (немцы, пруссы) не смешивались. Другой объединяющей силой было урезание привилегий поселенцев, кульминацией этого стало постепенное введение крепостного права (1526–1529–1577–1618 гг.). Трансформированное в 1719 году, оно продержалось до XIX века.

3.2 Ограждение: закрепление городов

При размывании чёткой градостроительной картины в городах и на селе маньеризм, узорочье и помпезность брали верх над целесообразностью. Жилое хозяйство выявило отчётливую тенденцию к расслоению: участки, прежде столь регулярного размера, принялись делиться. Дома преодолели последние метры, столетиями отделявшие их от крепостных валов, застроили прежде столь славные сады и пошли на приступ стен, на улицы, ввысь. Здесь же стала нарушаться геометрия проездов: как и в позднем Риме, профили улиц начали заужать, лёгкие веранды перед входами, крытые сходы в подвалы с балконами поверх, превращать в каменные, а переулки, ведущие к служебным постройкам во дворах – безжалостно застраивать. Новые же улицы, пересекавшие границы поселения, далеко не всегда следовали унаследованным линиям, частью по вышеуказанным причинам, частью под действием ландшафта, ведь орденский периметр обычно занимал всю пригодную под правильный город плоскость. Поползли по косогорам неровные переулки, площади зато стали без меры расти: вряд ли орден заложил бы в 1570 г. в Гольдапе рынок такого размера, что на нём, при сохранении общей схемы параллельных улиц, с лёгкостью разместились и ратуша, и почтамт, и суд, и церкви! Впрочем, даже и ему далеко до рынка Маргграбовы (1560 г.), занимавшего 7 гектаров. К тому же после-орденскому периоду относятся и гигантская зальная церковь Данцига, и торнская ратуша, самая большая в Германии.

Крепостные рвы как близкий резерв территории начали делить на участки и засыпать, не заботясь более ни об устройстве нового, законченного в себе посада, как сделали бы несколькими десятилетиями ранее, ни об обороне существующих стен. Градоустротельная сила, при сохранении бумажного верховенства, ушла от престола к горожанам, нынешним или будущим: с утратой орденского строительного надзора начался период «природного» развития. Более не магистры решали, быть или не быть городу, а сообщество жителей того или иного призамкового «листа», смешанного немецко-прусского заселения, а то и энергичный капитан замка или иного укрепления требовали от короны признания своего выросшего к XVI–XVII веку «естественного» города. Подчас их предшественниками были даже не одна, а несколько деревень или посадов:

<i>Ангербург (1571 г.)</i>	<i>Бартен (1628 г.)</i>	<i>Гольдап (1570 г.)</i>	<i>Инстербург (1541–1583 гг.)</i>
<i>Лабиау (1642 г.)</i>	<i>Лёцен (1612 г.)</i>	<i>Лиштадт (1490 г.)</i>	<i>Лик (1669 г.)</i>
<i>Маргграбова (1560 г.)</i>	<i>Ортельсбург (1616 г.)</i>	<i>Прейсиш-Эйлау (1585 г.)</i>	<i>Тильзит (1552 г.)</i>

Сгоревший Браунсберг в 1600х годах был отстроен заново с сохранением первоначальных черт. Инстербург вырос из предмостного посада, орденского замка и двух деревень, колонистской и прусской. Тильзит – из «листа», замка, прусской деревни и монастыря. Стержнем планировки и там, и там стали дороги, но как различные решения!

В Тильзите продольные улицы, сходящиеся к предмостью, напоминают о радиальной композиции, тяготевшей бы к стоявшему здесь замку, или о наследовании любской градостроительной схеме – но город, пусть и ставший к 1700 году решёткой-веером, вернее описать как развитый приречный тракт.

Перпендикулярно ему регулярно закладывались собственно рыночные площади, ведущие к реке и парому. На перекрёстке у одной из них даже стояла ратуша, встроенная, как в кёнигсбергском Альтштадте. Особенностью города стало то, что при его последовательном росте от переправы на запад, всё далее и далее по подводящей кёнигсбергской дороге такие рынки всё большего и большего размера трижды до 1945 г. переносились, со значительным увеличением площади, на бывшую в тот момент окраину, предшественницы же застраивались, засаживались либо иным образом прекращали свою активность, вливались в расширившийся центр. Новых городов при старом, как это следовало бы из орденских обычаев, не закладывалось, зато малому городу удалось то, чего большим городам радиальной планировки достичь не было дано.

В Инстербурге дорога, извиваясь, спускается к переправе через Анграпу и обходится притом вовсе без предмостной площади. Линейный Старый рынок образуется на хребте возвышенности, вне существовавшего к тому моменту поселения. Его до-городская северная сторона и замковый посад иррегулярны, но уже южная, заложенная в новом звании, квадратными кварталами задаёт направление всех последующих городских улиц – и расположение ратуши, так же встроенной, как и тильзитская.

Пояса стен не получили ни Тильзит, ни Инстербург.

Лишь шесть городов заложены в XVI веке вновь, в XVII веке и того меньше – лишь два, они более сложны структурой, унаследованной от прежних поселений и не упорядоченной вновь: так Ортельсбург вовсе остался без рыночной площади, а «крест-торг» Тильзита, пусть и незамедлительно лишившийся своей перекадины, оправдывает лишь нарочитость юного герцогства, стремившегося, быть может, нарочитой до-орденской, пред-любской архаикой пересились свою неполноправность.

Незначительный палисад и вал, замыкавший новые города, обычно вскоре утрачивался, а укрепления если и строились, то не защитили городов: разве счесть его валы и бастионы, что с 1626 года по совету Густава Адольфа шведского окружили Кёнигсберг? Размах очевидно превышал и финансовые, и военные возможности города, а потому городская милиция нуждалась бы в сильном союзнике – например, в шведском корпусе. К 1640 году насыпи были готовы не более чем наполовину; во время Семилетней войны 1758 года и наполеоновских войн 1807 года они были блистательно бесполезны. Польза их стала видна лишь позднее: оказалось, что новая округлая форма стен идеально отразила радиально-лучевую структуру кёнигсбергской аггломерации, вновь согласовав формы и содержание. Такое согласие, пусть и непредзаданное при постройке, обеспечило долгую жизнь оборонительного, а позднее паркового пояса, отличительной черты города в последующие столетия.

Столь же округлой была и линия земляных бастионов Лабиау, сменившая в 1656 году первоначальные палисады и опоясавшая как старую, так и новую части города. Здесь, однако, её определяла геометрия замкового рва, которой она следовала с некоторым отстоянием: вдоль воды, следовавшей, в свою очередь, замковым стенам, шла главная улица посада, застроенная лишь с одной стороны, валы же плотно прилегали к широким клиньям земельных участков. Соответствие было настолько точным, что даже и в линейном «новом городе» по дороге на Кёнигсберг не осталось места для торгового. Рыночная площадь оказалась вытеснена в предместье, за Кёнигсбергские ворота, не получила обособленной формы, а осталась уширением почтового тракта.

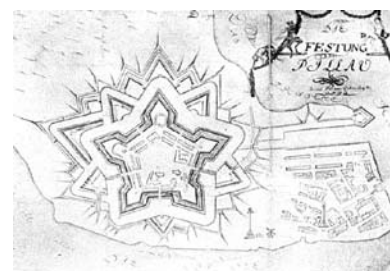
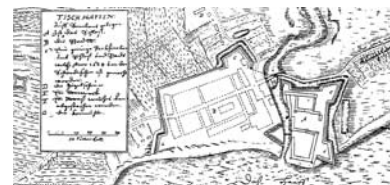
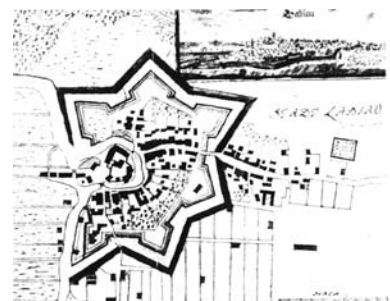
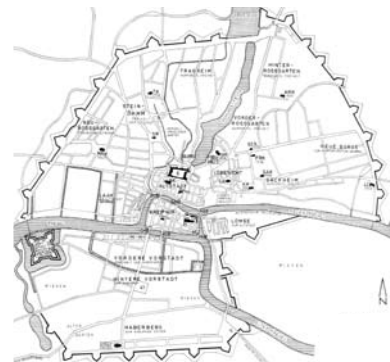
Незавершённые, валы оплыли уже к 1672 году, утратили ворота в начале XVIII века и совершенно не читались на рельефе местности к веку XIX, но, между тем, незримо продолжили присутствовать в городской планировке вплоть до 1902–1904 годов, когда оправданием для засыпки части замкового рва стало, наравне с нежеланием его чистить, «отсутствие места для рыночной площади». До того пространства за домовыми участками вплоть до самых бывших бастионов, как и в Кёнигсберге, занимали городские сады – правило, справедливое и для иных городов провинции.

Столь же краткосрочны были и бастионные укрепления Фишгаузена (1627 г.), пусть форма их была и не округлой, а следовала достаточно точно утраченному за три столетия прямоугольному орденскому палисаду. Застроив вышеупомянувшиеся городские сады, и достигнув некогда отдалённого периметра, здесь, однако, город растёкся к замку и порту: все эти кварталы охватили новые валы. Места их расположения ещё долго отмечали мытные ворота – и районная администрация, вставшая на одном из шанцев.

Отдельным путём градостроительной регулярности пошёл Пиллау, построенный крепостью итальянского типа с 1626 по 1636 год Густавом Адольфом шведским, но получивший городское полноправие в следующий исторический период. Здесь правильный бастионный пятиугольник, предшествует, а не сопутствует форме городского поселения, и если здания и охватывает, то здания эти не городские. По валам тут ходил не ополченец-горожанин, а профессиональный гарнизонный военный, которым гражданские гордились, но на которых он всё одно смотрел свысока. Бюргерам охватывающая стена не полагалась.

Новоотстроенная при Фридрих-Вильгельме крепость стала базой курфюрстского флота и верфью (1679 г.), центром недолговечной Бранденбургско-африканской компании (1682 г.) и прусского каперства. Расцвет при Великом курфюрсте был недолог.

Столь же стратегическим и схожим по абрису было решение четвероугольной бастионной крепостцы Фридрихсбург, вставшей в 1657 году в кольцо кёнигсбергских валов и контролировавшей выход в море: правящей династии ни к чему были повторения городских вольностей, сопутствовавших распаду орденского государства. Центром нового поселения крепость, построенная, во многом, силами бежавших от татарского набега крестьян, не стала: крестьяне вернулись на восток герцогства, так что уже при короле Фридрихе-Вильгельме I Фридрихсбург входит в городскую черту «Большого Кёнигсберга».

3.3 Персонафикация: закрепление лиц

Первый прусский герцог Альбрехт, в бытность свою орденом магистром оставивший целый сборник строительных уложений, вошёл в историю как «строитель на троне», к которому не стеснялись обращаться за советом и граф Горка, и герцог Лигница, и польский король. Пусть богатство исполнения отставало от прочих германских владений – выросший в Нюрнберге, он призвал ко двору не только опытных художников и учёных с юга метрополии, но и молодые силы, так что стиль ренессанс в его владениях начался едва ли не раньше, чем в прочей Германии пока иные пробавлялись войною.

Недостаток местных профессиональных сил он компенсировал собственным вниманием к строительству и технике. Завязав дипломатические и торговые связи с Голландией и Рейнландией, привлёк из Амстердама мастеров орнаментики, кирпичных дел и каналов, заложил собрание увражей и макетов архитектурно-инженерных образцов. Законтрактованного в Нюрнберге придворного живописца Криспина Герранта он просит привезти чертежи и виды построек «в итальянском духе», а придворного зодчего Фридриха Нусдорфера, верховного строителя герцогства и кёнигсбергского замка, снять чертежи важнейших новых зданий юго-западной Германии и Голландии. Не забывал он и об орденой старине – последовавшему в должности главного архитектора за Нусдорфером Кристиану Гофману прямо предписывалось обследовать замок Мариенбург, как почти столетием ранее своему придворному архитектору Аристотелю Фиоравенти следовать древнерусским образцам предписывал Иван III. Затем должность, по рекомендации венценосных собратьев (консультировали герцог Вильгельм Клевский, Филипп Гессенский и Мориц Саксонский) в 1555 году перешла к Кристофу Рамеру, потом к его сыну Давиду – впервые в восточно-прусской истории строительства мы стапкиваемся с плеядой зодчих, особо отмечаемых в хрониках, проектировщиками, а не руководителями строительных колонн. Архитектура, живопись и скульптура процветают при первом герцoge.

Нусдорфер получал 120 марок жалования, стол и двор себе и слуге, придворный наряд, сено для двух лошадей и, единственный, особое поместье

По смерти Альбрехта вновь ослабевшая династия уступила власть коллегии дворянского Верховного совета: территория крестьянской вольности, опекаемой безличными администраторами ордена, превратилась в земли вольностей дворянской – редкое германское государство тех лет даровало своей знати столько прав. Попав при герцoge впервые в высшие круги, с орденой лет связанные с армией, прусские дворяне вскоре сочетали в своих руках и гражданское, и военное управление провинцией; лишь новая конституция курфюршества (1661 г.) уберегла страну от опасного сползания к «liberum veto». Благоприятной для градостроительства, требовавшего сильной центральной власти, такую ситуацию не назовёшь; сельское строительство в лице дворянских поместий, напротив, поднялось к небывалым вершинам.

Allgemeine Landesordnung» 1525 г., «Kleines Gnadenprivileg» 1540 г., «Regimentsnotel» 1542 г.

Поместное дворянство, а иногда – и зажиточное крестьянство, и потомок локатора и оплаченный землею за наёмническую службу в поздне-орденском войске ландскнехт, лишённые орденом же возможности политико-административного роста, всю свою энергию обращали на пожалованные угодья. Поместья цу Эйленбургов в Викене и Прассене, фон Шверинов – в Вильденхофе, фон Валленротов – в Вилькюнене, фон Рауттеров и фон Дёнхоффов – в Гросс-Вольфсдорфе и во Фридрихштейне, фон Лендорфов – в Гросс-Штейнорте, фон Шлибенов – в Зандиттене, цу Дона – в Шлобиттене, Раутенбурге, Финкенштейне и Шлодине превратились в полновесных местоблюстителей царственной династии, тем более, что ни тогда, ни позднее той в Восточной Пруссии резиденций не строилось. Не достигая ни тогда, ни позднее масштабов Потсдама или Версаля, их прусские аналоги, освобождённые от орденой ограничения максимума размера поместья, силой собственных своих колонистов (магдебургского права) или перешедших к ним орденой поселенцев-кульмцев образовывали новые, теперь уже не крестьянские, а дворянские парадизы, увенчанные, как и в России после Манифеста о вольности дворянства, усадьбами, парками, павильонами, библиотеками, а также 115 правильными помещечьими деревнями.

капитаны ландскнехтов зачастую были старых дворянских родов метрополии: Шлибены, Эйленбурги, Дона, Теттау, Заукены, Эглофштейны администрацию ордена составляли исключительно дворяне, бюргеры и купеческие дети из метрополии; вступление в орден местного хотя бы и дворянства не допускалось, для орденой даже и самый титульный пруссак был равен последнему подёщику – равенство в бесправи

Регулярностью планировки такие деревни вполне соответствовали орденой преданию и даже привосходили его: обычно их составляли традиционные выгонные схемы, замыкавшиеся, однако, не парой полукрестьянских дворов, и не общинным амбаром, а господским домом. В иных случаях усадьбы, как и при «огораживаниях» Генриха VIII английского, сгоняли с места или не давали возобновить покинутую деревню – таких было 511. Неудивительно, что именно тогда разразилось единственное крестьянское восстание провинции, 1525 года

4. Королевский город

Коронация Фридриха I в 1701 году открыла новую страницу в развитии провинции: что представляла собой новая держава?

То немногое, что устояло перед набегами татар середины XVII века, забрала чума 1709–1711 годов, при вступлении Фридриха-Вильгельма I на престол в 1713 году 10834 двора стояли бесхозными и не возделывались, города, успешно росшие при ордене, замирали или даже сокращались:

<i>Ангербург (1621 г.) — 850 чел.</i>	<i>Гильгенбург (1579 г.) — 570</i>	<i>Инстербург (1590 г.) — 1200</i>	<i>Растенбург (1620 г.) — 1500</i>
<i>Тильзит (1692 г.) — 868</i>	<i>Хайлигенбейль (1539 г.) — 119</i>		

Упадок был далеко не повсеместным: соседний Данциг, напротив, за те же годы разве что не удвоился (1577 г., 40000 жителей; 1650 г. – 77000!). Выморочные земли, по орденскому и герцогскому праву, возвращались в казну и могли быть пожалованы вновь, предстояла тяжёлая работа по заведению фермеров – откуда и чем привлечь их?

Вновь чужие беды, политическая близорукость иных королевских дворов оказались к выгоде прагматичной Пруссии. «Мне новые сыны – вам щедрая отчизна», обращается Фридрих-Вильгельма к зальцбуржцам, и в его пределы спешат колонисты из Мазурии и Литвы, Силезии и Пфальца, Вюртемберга и Нассау, всего около 70000: тысяча лаузицких менонитов, восемь тысяч гугенотов, две – швейцарцев и около 16000 зальцбуржцев (1732 г.). Вместе они не только заполнили опустевшие хутора и восполнили утрату населения (с гарнизонами наравне), но и дали жизнь 13 новым городам:

известную долю составили потомки судавов, надравов и шалавов, некогда бежавших от ордена в Литву

<i>Арису (1725 г.)</i>	<i>Биалле (1722 г.)</i>	<i>Вилленбергу (1723 г.)</i>	<i>Гумбиннену (1724–1772 гг.)</i>
<i>Даркемену (1725 г.)</i>	<i>Николаикену (1726 г.)</i>	<i>Пиллау (1725 г.)</i>	<i>Пиллау (1725 г.)</i>
<i>Пилькаллену (1724 г.)</i>	<i>Рагниту (1722 г.)</i>	<i>Рейну (1723 г.)</i>	<i>Тапиу (1722 г.)</i>
<i>Ширвинту (1725 г.),</i>	<i>Шталлупёнену (1722 г.)</i>		

Рост поселений возобновился с новой силой, и к 1800 году некоторые уже пересекли двухтысячный рубеж:

<i>Ангербург</i>	<i>Бартенштейн</i>	<i>Бишофштейн</i>	<i>Браунсберг</i>
<i>Велау</i>	<i>Гольдап</i>	<i>Гумбиннен</i>	<i>Гуттштадт</i>
<i>Дрензфурт</i>	<i>Инстербург</i>	<i>Лабиау</i>	<i>Мельзак</i>
<i>Прейсиш-Голланд</i>	<i>Растенбург</i>	<i>Рёсель</i>	

Кёнигсберг, вне категорий, насчитывал в 1770 году 53196 жителей.

4.1 Лучи: города Фридриха-Вильгельма I

В 1724 году Фридрих-Вильгельм I объединяет три кёнигсбергских города и несколько слобод в единый город. «Шведская» стена, хоть и стояла ещё в чистом поле – город дорастёт до неё лишь в 1820 году –, немало поспособствовала выработке общего духа и единого самосознания города, ломка же внутренних стен и ликвидация самоуправлений Альтштадта, Кнейпгофа, Лёбенихта и многих других стала основой разномерности прусских городов последовавших лет. Вместо группы автономных поселений, размерами сравнимых с любым иным городом Восточной Пруссии, и равных с ними правами и весом, возник «внекатегорийный» мегаполис. Уже звание единственного внешнеторгового порта урезанной страны превратило Кёнигсберг в недостижимую для провинциальных городков величину, и королевское решение лишь оформило сложившуюся ситуацию.

Показательны сходства и различия новых образований. Градостроитель Фридриха-Вильгельма, Йоахим Людвиг Шультхайс фон Унфрид, строивший кёнигсбергский замок и давший облик

Биалле

Гумбиннену

Даркемену

Рагниту

Тапиу

Ширвинту

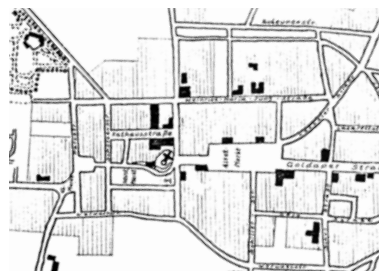
Шталлупёнену

очевидно ценил орденские формы – но не мог не «улучшить» их в барочном духе.

Восстанавливая Тапиу после пожаров 1661–1674–1689 годов, он сохранил систему параллельных улиц, ориентировал их на заречный замок и существенно развил, но пренебрёг вводом в город кёнигсбергской дороги, оставив её в двух кварталах от центральной площади – разительное отличие от его же композиции Шталлупёнена! Здесь та же дорога выросла в цепочку площадей, явственно отсылающих к системам римских императорских форумов: сравнение, наверняка польстившее утверждавшему тот проект королю. При въезде в город, треугольник Малого рынка шарниром поворачивает проезд на новую ось. Уже через квартал дома расступаются, восточная сторона улицы отступает и начинает Новый рынок, замкнутый церковной башней. Обогнув её, через ещё один квартал, улица выплёскивается в Старый рынок: в 1½ раза шире и длиннее, он симметричен к оси, но уже на южной стороне площади, наряду с продолжением новомодной осевой композиции, возвращается испытанный орденский мотив: кёнигсбергская дорога покидает город в дальнем углу площади, а пространственная ось барокко остаётся ведущей в никуда и даже не продолжается за пределами города. Лишь столетия спустя её замкнула водонапорная башня.

Несколько менее явна многоплощадная схема Гердауэна, где сгоревшая ратуша не была восстановлена на центральном торге, а вынесена вовне, на иррегулярную треугольную площадь при въезде в город, где дорога ветвилась на две параллели к рынку и, далее, церкви. Исключительность положения подчёркивалась фланкированием композиции с обеих сторон водными зеркалами. Сведения параллельных улиц к единому выходу из городских пределов здесь не происходит, на противоположной ратуше стороне города фридландская и замковая дороги отходят едва ли не под прямым углом, оставляя планировочную ось замыкаться третьей, тупиковой площадью – орденским храмовым двором.

В Даркемене дорога приходит, по традиции, в угол рыночной площади – но продолжается уже как классическая осевая схема. Рынок, по традиции отведённый магистрату, нанизан на эту магистраль, причём если своей «почтовой» стороной она отвечает канонам барочной перспективы, и ведёт к ратушной башне, то за магистратом она вновь, как и в Тапиу, неожиданно обрывается неартикулированным поворотом к мосту всего лишь в квартале за площадью. Подобную же «неравноплечную» композицию рынка приобрёл и Пилькаллен, словно неожиданно проявивший «орденский» дух, проектанту неподвластный: перспективная дорога, направленная по оси дарованной королём церкви не смогла оспорить первенство ведшей в угол площади первоначально служебной улицы, и сама ужалась до размеров проулка, наподобие безымянных служебных проездов орденских лет. В Ширвинте фон Унфрид три стороны рынка посередине разрезал улицами – но при этом не забыл и испытанных наугольных улиц.

Сильнейшее переоформление в барочном духе претерпел Гумбиннен: упорядочение затронуло не только торговые тракты, спрямлённые и перепроложенные строго ортогонально – фон Унфрид проложил новое русло реки, параллельное новым осям. Рыночная площадь, квадрат в центре поселения, уже не унаследованный от ордена, а полностью барочный владетельский символ: на таком рынке, с осевыми симметричными разрывами по серединам сторон, для торговли остались лишь квадранты по углам – функция оказалась подчинена форме. Здание правительственных учреждений, размещённое здесь же (ратуша переехала в «новый город» на другом берегу реки), заперло одну из осей перекрёстка, а вскоре и в самом средокрестии встал канонический памятник королю.

Перепланировок классического периода, столь характерных для екатерининской России, Восточная Пруссия не знала.

Особым поселением стал Пиллау, слитый воедино из населения деревень Пиллау и Вограм и заново построенный при заложенной шведами крепости-гавани. Собственной стены город не получил, а в 1768 году и сама пиллауская крепость была Фридрихом II расформирована и гарнизон снят. В 1780х годах город вновь оживился, в нём снова открылась верфь, и далее он рос самостоятельным аванпортом Кёнигсберга: районы поглощались или закладывались вновь, вовсе не организуя цельной городской ткани, а следуя портовым или гарнизонным надобностям.

Навряд ли случайно, что в те же годы, к середине XVIII века городское самоуправление развилось, усложнилось – и утратило последние черты выборности. Если ещё в регламенте Кёнигсбергской ратуши 1724 года предусматривается участие во власти горожан, хотя бы и посредством депутатов от гильдий, то уже установление 1783 года их вовсе не знает. Магистрат сам избирает своих членов, лишь на обербургомистра и только в Кёнигсберге подаются три кандидатуры на высочайшее имя – а ведь если бургомистру королевской резиденции подчинялись и все государственные учреждения города, а равно и все дворяне, будь то постоянно проживающие, или временно прибывающие сюда, то даже и в наименьшем городке к муниципальным относились и городская стража (охраняли акцизные палисады, с соответствующими воротами), и судопроизводство!

С другой стороны, не имей города милии, не вышло бы из них ополчение наполеоновских войн, не стали бы они силой германского объединения. Иронией истории звучат реформы фом и цум Штейна, порождёнными той самой войной, даровавшие выборные магистраты — и отобравшие у городов полицейские силы.

*обербургомистра — городского
директора — полицей-
директора,
полицей-бургомистра, юстиц-
бургомистра, счётовода,
хрониста — судью,
нескольких магистратских
советников и*

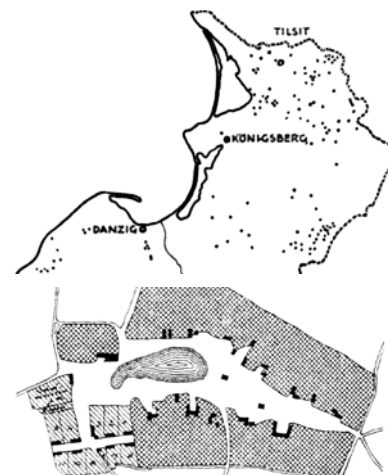
4.2 Точки: колонии Фридриха II

Землеустройство Фридриха II не произвело на свет городов: в те годы был создан восточнопрусский ландшафт.

Объявленной целью короля была автаркия: всё, что можно было бы производить в пределах его земель, не должно было ввозиться. Тому служили и заградительные сборы на таможенных, и основание мануфактур, льнопрядилен и шерстобален, вообще повышение культуры (сельского) хозяйства, где избыток сырья или площадей к тому приглашал. И то, и то нуждалось в притоке рабочей силы: Семилетняя война пожрала слишком многое и многих. Эти силы следовало привлечь: где – у соседей, где – из своих провинций.

Заселение сельских местностей и городов Пруссии уже с орденовских времён отличала планомерность государственных нужд, но многое отдавалось на волю локаторов: лишь Фридрих II стал системно набирать новых крестьян. В Восточную Пруссию им предстояло нести новые методы хозяйствования и, в двух случаях, работать на новых предприятиях.

Растворяться среди прежних жителей, сколько бы их ни оставалось, они не хотели и не должны были: только в совместном хозяйствовании колонисты были бы они достаточно результативны и тем убедительны. Новые производственные коллективы возникали по соседству, или, особенно в Восточной Пруссии, прямо на месте своих одряхлевших орденовских предшественников, также как и те, в своё время, занимали места деревень пруссов, перенимали их имена, если от такой деревни оставалось лишь точка на карте. Ново-старые колонии напоминали орденовские города и методом построения, и местом расположения, и привилегиями, и обязанностями – задумай орден такие же, всенепреренно обнёс бы их крепостными стенами – но большинство из 460 колоний были, скорее, хуторами:

Ангербург:
3 колонии, 19 дворов

Даркемен:
6 колоний, 61 двор

Лабиау:
17 колоний, 144 двора

Морунген:
3 колонии, 29 дворов

Остероде:
3 колонии, 39 дворов

Тильзит:
12 колоний, 251 двор

Браунсбург:
1 колония, 6 дворов

Зенсбург:
2 колонии, 16 дворов

Лёцен:
3 колонии, 8 дворов

Нейденбург:
6 колоний, 121 двор

Пилькален:
15 колоний, от 114 дворов

Шталлупёнен:
4 колонии, 21 двор

Гейльсбург:
1 колония, 14 дворов

Инстербург:
10 колоний, 73 двора

Маргграбова:
1 колония, 62 двора

Низина:
8 колоний, 89 дворов

Прейсиш-Голланд:
2 колонии, 31 двор

Гумбиннен:
4 колонии, 33 двора

Кёнигсбург:
2 колонии, 31 двор

Мемель:
2 колонии, 18 дворов

Ортельсбург:
21 колония, 276 дворов

Рёсель:
2 колонии, 14 дворов

Особую категорию составили колонии фабрично-заводские-«полукрестьянские», ведь рост производительности труда требовал как обеспечения колониста должным количеством подсобных рабочих в сельскохозяйственный сезон, так и обеспечение рабочей силой новосозданные мануфактуры. Как удержать рабочего на селе или в промышленности, не дать ему уйти и не дать ему вырасти до самостоятельного хуторянина, которому опять бы потребовались свои рабочие? Ещё и в нацистских проектах переустройства крестьянского сословия мы находим тот же вопрос – Фридрих отвечает на них созданием «полукрестьян», с половинными или даже меньшими наделами, заставляя такого крестьянина батрачить у соседа.

В Кёнигсбурге, где к 1786 году работали уже 50 фабрик и 6000 рабочих, известны две промышленные колонии – «Нассер гартен», и «Мюленгоф».

«Мюленгоф» составили 14 домов мельников, сплавщиков и пильщиков непосредственно рядом с пильными мельницами, отделённые от них и тут же слитые воедино аллеей бульвара. Проезжая дорога не пересекает колонию какого бы то ни было рода осевой композицией, до которых столь охоч был XIX век, а лежит в стороне; тут же и «сад отдыха» с прудом: отсюда уже недалеко до промышленных парков наших дней.

Фридрих II даровал колонистам инвентарь и скот, освобождал от налогов на период обзаведения хозяйством: устройство собственного двора не было больше привилегией деревенского богача. Размер выплат варьировался, согласно государственным резонам, нужде в результатах труда того или иного колониста. Дома единообразно строились казною, из казённых материалов, хотя и с участием жильцов – буде им позволят собственные их силы и не будет чрезмерной нагрузка на осушение или

корчевание отведённых полей. Подчас единственным расходом самого крестьянина или ремесленника были подготовка соломы для крыши – и глины для битья стен. Неудивительно, что сперва заключались не купчие на «вечное владение и наследование», а наследные арендные договора. Они могли расторгаться государством, если колонист не соответствовал ожиданиям, ленился или пытался спекулировать землёй, а оттого выдворялся вон – с потерей всего, что было бы выдано ему казной. Лишь по завершении «естественного отсева» выдавали «королевские подтверждения», но и они сохраняли право королевского вмешательства, как было то принято в ордене или позднее, в жилищных товариществах городов-садов XIX–XX века

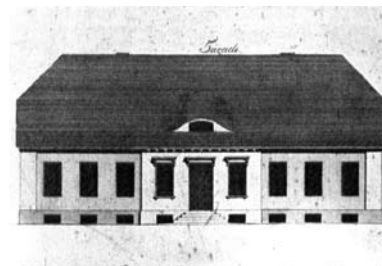
Предписанные планы домов и строительные материалы никак не учитывали происхождение своих крестьян. Не в силах обеспечить действенный строительный надзор в каждой деревне, государство публиковало образцовые чертежи фасадов и декоративных элементов, с примерными решениями карнизов и профилей, для каждого ордера и этажа, наличников, воротных арок и пр. Тут же доступно разъяснялось – вполне в духе «благородной простоты» просвещения – что чрезмерно сложные (барочные) крыши не придают домам красоты, а добавляют лишь спеси; давались рецепты штукатурок и покраски. Считалось, что отдельно стоящие здания могли быть более цветисто раскрашены, чем те, что стояли бы в ряду уличной застройки, а подражание цветам растительности и листья, например, вовсе недопустимо. Достойными считались сочетания тёмно-красного с зелёным, жёлтого со светло-зелёным, серого с белым, а также цвета песчаников, от жёлто-коричневого до красно-коричневого и жёлто-зелёного. Украшения рекомендовалось красить светлее стен, а многоэтажные здания разбивать покраской по этажам.

Повсеместно применявшиеся строительные сборники подобного рода значительно упростили ведение работ и приёмку готовых зданий окружными архитекторами, обеспечили взаимное согласие типов построек, уже тогда считавшееся характерной чертой восточнопрусской архитектуры.

Центром сельского поселения бывала улица-выгон, камертоном раздваивавшаяся на входе в деревню, как и в параллельной двухуличной схеме орденских городов. Отстояние между двумя линиями достигало 25 м и больше; в замкнутых в плане деревнях, не завязанных на проходившие вдоль них тракты деревенская улица нередко превращается площадь пятидесятиметровой ширины.

Казной построенные колонии всегда были замкнутой формы – и было их большинство.

Подобное создало, со временем, впечатление о Восточной Пруссии как о провинции, где и города, и сёла соответствовали бы одному и тому же градостроительному типу. Из за него же многие деревни были, с учётом их «орденской» геометрии, необоснованно отнесены в гораздо более далёкие года, чем это соответствовало их возрасту. Первоначально некоторое различие обещали линии кровель: в городах предпочитали фронтовую застройку, а сёлах – скатную, но после чумы начала XVIII века и города пришли к скатности.

5. Либеральный город

Век XIX по всей Европе знаменовался забвением градостроительства как искусства и науки. Крайний либерализм, введённый в Пруссии государственными реформами 1807–1810 годов, сумел нарушить градостроительные традиции, не обрывавшиеся ни при реформации, ни при смене светских властей, ни при смене стилей. Появились несколько «параллельно» существовавших структур: город пара,

«Edikt betr. den erleichterten Besitz der Grundeigentümer sowie die persönlichen Verhältnisse der Landbewohner» 1807 г., «Städteordnung» 1808 г.

город армии, город отдыха... Унаследованный от дореформенного королевства и герцогства кооптационный магистрат, орган столь же безжизненный к тому моменту цехов, оказался бессилён перед вызовами нового века. Наполеоновское нашествие пробудило в горожанах гражданский дух – и они отняли бразды управления у прежнего градоначальства. Гимном бюргерской активности, от которой исходила бы всякая инициатива, и стали реформы отмена крепостного права, свобода ремёсел, выборное самоуправление, причём не по куриям и не по гильдиям, а по месту жительства... Горожанин обязывался делать всё возможное для процветания города, должен был вмешиваться и участвовать: период градских уложений окончился. Впервые власть не вмешивалась в право горожанина-землевладельца на распоряжение своим участком, ни кульмскими, ни фридриховыми статутами. «Благопристойность» или «сообразность», к которым можно было отсылать в прежние века, некая высшая инстанция с помазанным или осенённым некими степенями посвящения земными представителями утратила право на окончательный приговор. Одним из первых это испытал на себе кронпринц Вильгельм, будущий император, пытавшийся сохранить старую берлинскую ратушу, апеллируя к её историческому и художественному значению: общепрусское Городовое право (с 1853 г.) таких понятий не знало, и ратушу снесли.

Пожертвованные прогрессу, транспорту, канализации, пожарной охране и общественной безопасности – но только на улицах, до тротуаров и дверных звонков включительно – «берлинской ратушей» Кёнигсберга явились Штейндамские ворота. Устоявшие века, в городе в начале XX века были снесены последние средневековые дома, а беседки-миловиды, выросшие за столетия у их входов и составлявшие своими террасами и верандами неотъемлемую часть городского променада отсезейских городов, уже в 1860е года были повсеместно пожертвованы трубам водопровода и канализации, конке или трамваю. Новый фасон окончательно утвердил 1882 год, когда в Берлине были объявлены неправомерными видовые линии на Крейцбергский монумент. По злой иронии судьбы он был памятником той самой победе над Наполеоном, что штейновы реформы и породили. Либерализм торжествовал.

5.1 Город войска

Уже в 1815 году на валах Кёнигсберга, объявленного «открытым городом», силами «Общества благоустройства» доктора Кесселя были устроены променады и высажены аллеи: Европа избавлялась от крепостных оков. Зубцы стен отходили в прошлое, города распахивались к новому веку кольцами бульваров, ожерельями императорско-королевских форумов на месте низложенных стен, недолго оставалось ждать парижских бульваров и венской Рингштрассе – но и противоположное движение не заставило себя ждать.

Военная доктрина теперь предписывала не держаться, при нападении, за каждый город и не строить засечных линий, а сконцентрироваться на некоторых лишь стратегически избранных узловых точках. В Восточной Пруссии единственной такой точкой являлся Кёнигсберг и, не успев укрепления снять, вооружился вновь.

Кёнигсбержцы уже в 1834 году от променадов «устали» – или же впечатлились свежевозведёнными укреплениями Лиона и Парижа – требовали у трона усиления и расширения стен, и своего добились: в 1843 году началось строительство новых валов и бастионов, продлившееся до 1862 года. Псевдоготические ворота по сей день служат символами города, кирпич с зеленью – цветовой маркой прусского города, без периметра стен себя не мыслящего. Весь XVIII век городской гарнизон был вторым, позднее – третьим в Германии по величине: три гренадёрских полка, два полка полевой и один полк пешей артиллерии, пехота, кирасиры, два сапёрных батальона – значительная градообразующая сила! В других городах — та же картина: в Инстербурге изрядную долю районов, выросших в 1880–1913 годах, составили регулярные в плане пехотные, артиллерийские и уланские казармы, склады, офицерские собрания и плац-парады, в жизни города непосредственно не участвовавшие. На юге, в Алленштейне им с 1884 года отвечал пятитысячный «военный город», площадью, а равно и населением, ничуть не уступавший «городу гражданских». Прочие не отставали,

в Ангербурге:
конные егеря

в Гольдапе:
конные егеря и пехота

в Гумбиннене:
полевая артиллерия,
фузилеры и уланы

в Даркмене:
пехота

в Ортельсбурге:
егеря

в Пиллау:
пехота

в Растенбурге:
гренадёры

в Тильзите:
драгуны и пехота

в Штallлупёнене:
кавалерия

Многие полки занимали несколько гарнизонов одновременно, пусть XIX век и не достигал памятного 1780 года, когда целых войска квартировали в 46 городах провинции.

Почти сразу же по завершении кёнигсбергских валов оказалось, что ворот недостаточно ни по количеству, ни по ширине: 318 гектаров шведского ещё оборонительного пояса, некогда свободно опоясывавшие городские кварталы, обернулись ошейником новых бастионов, казематов, казарм — и город, славный просторной застройкой вширь, стал расти ввысь, застраивать пустоши, засыпать каналы и протоки. Лишь в 1906 году магистрат Кёнигсберга добился точечного прокола у башни Врангеля, где немедленно стали расти коттеджного стиля «Марауненгоф» и «Пальве», и настаивал на раскрытии у Штейндамских ворот, к «Амалиенау» и «Ратсгофу». Трагхеймские (1911 г.) и Штейндамские ворота (1912 г.) здесь пали жертвой горожан.

Градоначальство другой крепости, Пиллау (с 1791 г., подтверждена в 1903 г.), напротив, видело в гарнизоне и фортах деятельную силу городского благоустройства, используя военные городки точно так же, как другие использовали пар или морской прибой.

Формы расселения оказались полностью подчинены портовой и защитной функциям, простиравшимися и вовне его пределов; да и сами пределы описывались как «земли и воды, ограниченные молами и валами».

Непосредственно перед Первой мировой войной (1913 г.) гарнизон ещё раз расширился.

5.2 Город пара

Гордость поясом стен была быстротечна, в 1853 году в город вошла новая сила и заставила считаться с собою: вокзал Восточной дороги без единого выстрела взял валы. Тонким ниточкам ранних дорог, перерезанным притом железнодорожными воротами на Восточной и на Пиллауской ветках (Берлин не продвинулся далее проектирования таких ворот) вскоре последовало обширное вокзальное хозяйство, поглотившее и юго-западные бастионы, и крепость Фридрихсбург.

Железные дороги пришли в Восточную Пруссию сравнительно поздно, пусть мощёные шоссе их опередили и совсем ненамного, и разом перевернули всё и вся. Исчезла химера отсутствия вывоза, грозившая и самый лучший урожай превратить из награды в обузу; облегчился привоз, будь то угля для локомотивов или газовых заводов, будь то удобрений и мануфактуры. Перерабатывающая промышленность, ранее невозможная или технически отсталая, стала распространяться по прежде исключительно аграрной Восточной Пруссии. Промышленность требовала рабочих, рабочие – дома, дома – новые кварталы; города осветились и обзавелись, через 400 лет после орденового, современным водопроводом...

в 1862 г. провинция насчитывала 29256 рабочих, в 1896 г. их было 153947 человек, $\frac{4}{5}$ на малых предприятиях

Пар стал другой животворящей градостроительной силой, а обеспечение магистрали к своему городу – делом жизни и смерти многих магистратов.

Лучше любой пропаганды действовал пример Пиллау, после открытия сквозного движения по Восточной железной дороге в 1865 году ставшего едва ли не главным зимним портом России. В борьбе за стальную нить магистраты шли до последнего: лоббирование при проектировании ветки от Кёнигсберга на Вержболово затянуло работы настолько, что первоначальный маршрут Восточной железной дороги через Гердауэн был директивно спрямлён через Инстербург.

Второй магистральной веткой стал в 1874 году обходной круго-кёнигсбергский маршрут Восточной железной дороги Торн – Яблонowo – Алленштейн – Коршен – Инстербург.

Последние два стали крупными железнодорожными узлами: Коршен уже был станцией Южной дороги, через Инстербург проходил главный путь Восточной дороги и в нём же с 1865 года заканчивалась ветка из Тильзита, а с 1875 года – Мемеля.

Города и округа, обойдённые магистральными ветками, строили подвозные узкоколейные сети; вскоре последнему уголку был доступен большой свет. Почти трамвайные рельсы посреди мостовых придавали городкам вполне столичный вид. Были и несогласные: возчики Шиппенбейля предотвратили станцию, опасаясь конкуренции; Рёсель также предпочёл быть обойдён путями.

Магистральные линии прокладывались на расстоянии от городов, те вытягивались к своим далёким вокзалам побегами новых улиц, но градостроительно законченное сочетание города и дороги создавалось лишь тогда, когда массив поселения создавался одновременно с прокладкой путей.

Таковыми «одновременными» поселениями стали пригородные посёлки Кёнигсберга, чьё развитие силами частных предпринимателей не было бы возможным без быстрой связи со столицей. В подобной же связи с центром — здесь, помимо Кёнигсберга, ими были и Берлин, и Вильно, и С.-Петербург — были и более дальние пригороды, курорты, отражавшие столичные, а не собственные свои градостроительные формы. Живописно распланированные, с коттеджной и островной малоэтажной застройкой, обычно – в фахверковой традиции, позднее — в «норвежском стиле»; с прорезными фронтонами и обильными верандами, они не отличались цельностью планировочной формы. Их улицы следовали линиям ландшафта, сбегались к достопримечательностям, кургаузам, променадам набережных. Краткосрочность пребывания в них отдыхающих, сравнительная однородность их запросов не требовали тщательного решения градостроительных проблем, характерных для самостоятельных и самодостаточных поселений. Каждый следующий заезд позволял начать с чистого листа.

Кранц, рыбачий посёлок, первым превратился в посёлок курортный: в 1816 году он становится Королевской купальней. Комитет граждан, взявший на себя градостроительные функции (с 1834 г.) организовал строительство курзала, обсаду деревьями улиц – но действительного толчка к развитию пришлось ждать до прихода сюда государственного шоссе (1852 г.) и, в 1885 году, железной дороги, хотя её приход и не подразумевал мгновенного и постоянного роста числа жителей благодетельственного поселения, как в глубине провинции.

Вскоре (1900 г.) дорогу продлили по всему побережью.

Раушен, мельничная деревня в десятке дворов, оставался тихим курортом для избранных с 1820 года и до открытия в 1900–1906 годах Самбийской железной дороги к морю. Его стремительный рост уже следует принципам «реформы» и «хранителей отчизны».

Другим примером согласованного развития дорог и домов стал Эйдукус, полностью подчинивший своё развитие службам путей: сквозное сообщение С.-Петербург–Берлин породило километровой длины поселение, размером сравнимое со своей же товарной станцией, и за полвека доросшее с 125 душ до 10½ тысяч. «Железнодорожному городу» именно ленты рельсов, а вовсе не главный проспект или вовсе отсутствовавший здесь рынок предписывали направление застройки, сама же застройка в изрядной мере велась транспортными компаниями и их служащими. Дорога, впрочем, не гарантировала прочности порождённых ею городских благосостояний: альтернативные маршруты серьёзно подорвали грузопоток Россия–Пиллау, а кёнигсбергский Морской канал (1901 г.) и вовсе лишил его роли аванпорта. Размещение казённых железнодорожных мастерских стало способом поддержки городских хозяйств; в Пиллау утрату грузоперевалки компенсировали строительством новых казарм.

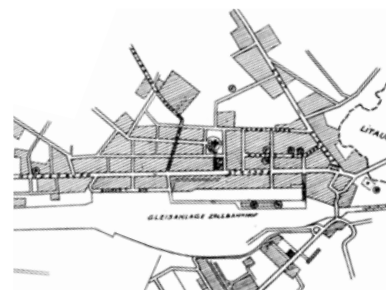
Удачные планировочные сочетания застройки и путей покажет Кёнигсберг Самбийским и Кранценским вокзалами, правильно, хоть и совершенно случайно вставшими к городской планировочной оси север – юг, а также Инстербург. Последний продлевает герцогские ещё параллели улиц вплоть до путей, и завершает их площадью-бульваром. Органичное решение заставляет забыть, что проект новых районов был готов ещё до наступления эпохи пара и был, как и в прочих городах, тоже вспорот железнодорожной струной, так что застройка за-железнодорожной части города осуществлялась без согласования с успешно сохранёнными мотивами прошлого. Типовые станции в меньших городах тем более не приспособлявали, как некогда и орденовые городские схемы – лишь сколько-нибудь прилично, без учёта столетних уже планировочных традиций, устанавливали на местности перед городом: вокзальные площади Восточная Пруссия оформлять не умела. В Гумбиннене железнодорожные пути случайной диагональю прошли по прямоугольному плану, подчинившему себе даже и течение реки; вокзал встал на полтора квартала восточнее главной городской оси. Ничто не мешало в Фишгаузене вывести к вокзалу широкий перпендикуляр Ратушной улицы – но пути легли случайно, а улица прошла коленом, словно немного промахиваясь мимо вокзальной площади.

Прокладывая пути, закладывая посёлки своих служащих, дороги, бывало, реконструировали и пристанционную территорию: право отчуждения им было даровано ещё в 1838 году. Организацию подъезда они, напротив, оставляли городам, у которых подобное право – отсутствовало (до 1875 г.).

Улучшив сообщение и дав рост промышленности, сила пара одновременно облегчила бегство поселенцев в города, а горожан во столицы. За 1840–1910 года провинция потеряла 729364 человека, причём 700000 их них – за 1871–1910 года; аграрный кризис 1878–1879 годов стал подлинным «девятым валом» миграции!

Даже и на курортах железная дорога оказалась неоднозначным приобретением: прежде отдыхающие приезжали на долгие недели и требовали достойного жилья с удобствами, то теперь всё большее их количество ограничивалось часами между утренним и вечерним поездами.

Сельскому хозяйству компенсировать убыток населения приходилось повышенной механизацией, в свою очередь зависевшей от пара: угольные бункера восточнопрусских деловых дворов превосходили многое в метрополии, а потребление равнялось высокоиндустриальному. Курорты ответили усиленным строительством увеселительных садов и променадов, осознавая, что одной лишь красотой прибога гостя им не удержать – политика же вновь открыла для себя вопрос «удержания востока» и «внутренней колонизации». Изменилась и жизнь выигравших от такой миграции городов, где массовый подвоз и распределение требовали специализированных пространств: некогда единый компактный организм города всё дальше распадался на несколько параллельноживущих и невзаимосвязанных образований, путь даже и были бы они взаимозависимы.

5.3 Город дельца

Высвобожденные производственно-деловые силы, державшиеся гильдиями под спудом, вкупе с новыми мощными источниками силы (пара) и сообщения (дороги) вновь, как и в прежние века, привели к скачку урбанизма. В городах вчерашних крестьян ждали не только предприниматели-заводчики, но и предприниматели-домовладельцы — и предприниматели-градостроители ждали их тоже. Благоустройство и вообще общественное благо, напротив, стало делом частной благотворительности.

Застройщики, при полной поддержке закона и общественного мнения заполняли участки старого города, вели ряды домов вовне, копировали столицы даже и в самом маленьком городке. Некогда единый строй высоких черепичных крыш и палевых штукатурок взрывали новомодный шифер и толь, эркеры и щипцы, глазурованный кирпич и витрины хрустального стекла. Механический прирост городской территории, без упорядочения предместий и доходных посёлков, пышность вторых и третьих копий парижских бульваров (с 1853 г.) и венской Рингштрассе (с 1857 г.), улицы, определённые на плане не продуманной композицией, а канализацией и водопроводом — все они стали отличительной чертой XIX века даже и в закольцованном валами Кёнигсберге. Черты, вызванные экономической слабостью и малочисленностью даже и возросшего числа горожан.

Закон о красных линиях застройки, «Fluchtliniengesetz», 1875 г. составление планов застройки и выпуск Строительных уложений отводил муниципалитетам

Первую половину либерального века перестраивались старые города; рост вовне отмечается лишь с 1860х годов, когда из переполненных и хаотичных городов началось бегство среднего класса. Бежал он фабрик и антисанитарии; бежал в новые пригороды того времени.

Заложенные муниципалитетами, они обычно продолжали рисунок первых улиц за стеной параллелями невязаных улиц регулярного плана, с выпуском некоторых кварталов для церковной или иной площади (Инстербург). Подобное, пусть геометрически и сходное с орденскими торгами, нельзя считать осознанным возвращением к собственному прошлому: мотив площади рыночной используется тут для площади церковной, а ведь назначения эти вовсе не взаимозаменяемы!

Заложенные спекулянтами в чистом поле, они были более прихотливы, но связность их была невелика, пусть даже к количеству диагоналей и обещало бы нечто противоположное.

На смену «градостроительству» пришло фискально-полицейское «благоустройство», направленное всего лишь на предотвращение наихудших бед. Любые более значительные планы требовали частных жертвователей — даже и удачными парками, закладывавшимися на месте выносимых вовне, по санитарным соображениям, кладбищ или вокруг мельничных прудов, как мы их находим в Инстербурге (1870 г.) или Тильзите (1817—1827 г.), провинция обязана филантропам. Что Пруссия — даже и прославленный парижский барон Осман был не более чем полицейским префектом, следовавшим, во многом, полустолетней давности «Плану комиссии художников» (1794 г.)! В Восточной Пруссии такого плана не было, как не было их и вообще по Германии, и растущие города теряли столетние формы и стиль:

в Алленбурге

в Гумбинне

в Даркмене

в Крейцбурге

в Норденбурге

в Тапиу

в Фишгаузене

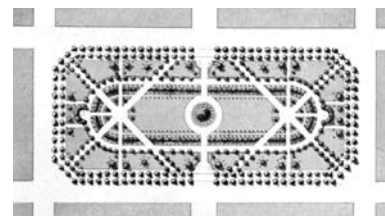
во Фридланде

в Хейлигенбейле

в Цинтене...

Площадь, душа и центр поселений, в руках новых локаторов (в частных проектах бывших нередко и землевладельцами, и градостроителями, и застройщиками, и архитекторами) ужалась до шифра самоё себя. Четырёх-, шести- и восьмиугольные, круглые и овальные, они разбрасывались через километр или два, исполняя норму 30–40% территорий отводить на общественные пространства. Пустынные геометрические фигуры, не вызванные никакой конкретной потребностью, вскоре засаживались с великой любовью к деталям — цветниками, парадными аллеями, фонтанами и беседками. Иногда площади, как и парки, и вовсе застраивались — церквями, охотно даруемыми властями предрежащими, новыми ратушами, зданиями судебных установлений, но чаще они городом и вовсе игнорировались, вплоть до того, что даже и самые обширные площади не бывали ничьим адресом: входы в дома и лавки располагались вне узорчатых партеров, на улицах, за углом. Целенаправленное наполнение узловых точек значимыми

постройками (ратушами, школами, почтами, хотя бы лавками или ресторанами!) сменила планировка по «остаточному принципу», отводившая общественно-важным учреждениям нераспроданные неудоблицы – подготавливала почву для будущей реконструкции.

Было ли озеленение мерой работы с «ненужными» площадями, или же ненужность была результатом графического озеленения – уже в 1850х годах любая площадь стала синонимом чинного отдыха, детской или гимнастической площадки, а потому подвергалась обсадке, зачастую агрессивной. Крупнолистные и высокие деревья за считанные годы затеняли и замещали вид на постройки, градостроительство из системы взаимосвязей домов и пространств распадалось: дома отдельно, фасады отдельно, пространства – тоже отдельно.

Типичным пространственным решением подобного стал снос, в 1880е годы, форбурга замка Лабау с целью устроики на его месте рыночной площади – при расширении её, в 1902–1904 годах, был и вовсе засыпан замковый ров. Срыв валы, обнаружили, что город остался без обоих элементов, некогда придавших ему столь характерную серповидную форму плана – и дальше он рос рыхло и случайно.

Улицы, в подобных районах прокладываемые, также упростились: единственный проспект стоил застройщику дешевле дифференцированных улиц и улочек, а потому и строили его, не их – а горожанам ранее небывалый широкий проспект казался атрибутом прогресса. Проектирование потоков карет, трамваев и машин, и улиц, способных их воспринять, на долгие годы стало синонимом планирования; снос исторического наследия – приемлемой за это ценой.

Расставленные по красным линиям дома превратились в холсты фасадов, украшавшиеся даже с некоторым неистовством. За трёхметровыми образцовыми палисадниками застройка находилась в исключительном ведении пожарных уложений, предписывавших минимальные размеры задних дворов не по освещённости выходящих в них окон, и не по вентилируемости помещений, а по габариту разворота пожарной лестницы. Неудивительно, что при подобных требованиях дворы точно соответствовали этим минимумам – колодцы, не более! Тем более подчёркивали подобное «фасадничество» распространявшиеся планировки этажей, с парадными анфиладами на проспект, и дешёвыми комнатами во дворы, к мастерским, фабрикам, конюшням...

Сочетание производств с жильём, при одновременном исходе из города более состоятельных жильцов вело не только к удобству компактного заселения в непосредственной близости от рабочего места, но и к ничем не сдерживаемой спирали всё более и более плотной застройки, всё более сырых и тёмных дворов, всё худшему их санитарному состоянию. Всего за несколько десятилетий город либерализма прошёл путь от любимца взыскательной публики, доказательства саморегулирующихся возможностей рынка – небывалый объём домов был построен безо всякого казённого вмешательства – до рассадника всех и всяческих болезней, олицетворения «антинародной» сущности спекулянта!

если в Кёнигсберге плотность населения внутри крепостного вала в 1700 г. была 78 жителей на гектар, то в 1890 г. – 282, в 1900 г. – 333–377 жителей

Некогда города всем обещали вольности и самоуправление – теперь гражданство ставилось в зависимость от такой подати, что многие кёнигсбержцы, бывшие полноправными горожанами при прежнем магистрате, перед вступлением в силу законов цум Штейна предпочли быть вычеркнутыми из списков. В иных городах избирательный ценз, вкупе с правом голоса для корпораций, приводил к тому, что первую треть депутатов составляли заводы, вторую – заводчики с юнкерами, а простые жители не находили себя ни в массе города, ни в его политике, ни в благосостоянии... в подобной несогласованной, действительно эклектичной среде сформировался облик Восточной Пруссии, известный нам ныне!

Кёнигсберг к началу XX века насчитывал 187743 жителя, Тильзит – 34539, Инстербург – 27787; ещё шесть городов насчитывали более 5000 жителей, городов-четырёхтысячников было десять, трёхтысячников – восемь

Этим же конфликтам периода государственного невмешательства в дела застройщиков города обязаны идее совершенной сегрегации жилых, торговых, конторских и фабрично-заводских кварталов, ставшей непреложным законом в течение большей части XX века.

5.4 Город обновления

Накопленные к концу XIX века противоречия децентрализованно-рационального градостроительства, а также соответствовавшего ему либерально-свободнопредпринимательского хозяйствования не могли быть более решены «оркестром рыночных сил». Не прошло и нескольких лет после кодификации его трудом Баумейстера о расширении городов, как Кёльн вырвался вперёд установлением, в 1885 году, зонирования застройки, чтобы не нарушать ряды односемейных домов многоквартирными доходными громадами. Камилло Зитте, выступивший в 1889 году с исследованием-манифестом «Художественные основы градостроительства», бичевал «рациональность по Баумейстеру», основывавшуюся словно лишь на симметричном изяществе бесконечных перпендикулярных проспектов, особенно, диагоналей, игнорирующих местность, ветра и лучи солнца; предпочитающих бескрайность плаца согласованности многогранных пространств форумов, рынков или скверов, наконец – утрату архитектурой и градостроительством человеческого масштаба, согласованности городской жизни. Образцовые решения он находил в анонимной архитектуре средних веков, пусть не столь приятной геометрии, полной «неправильностей», но гораздо более близкой горожанину. Его аргументация впервые обратила внимание на объём городских пространств – и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Город стали вновь воспринимать как «общность», и в итальянской готике, приводившейся Зитте как пример, видеть не только художественный, но и социальный образец – как в жёстких её строительных правилах, так и в «готическом социализме».

Разнонаправленные потоки времён либерализма стали собираться в новое старое целое, и духу нового времени строительное наследие Восточной Пруссии оказалось как никогда кстати: согласованное (градо)строительство, ограничение каждого во имя благополучия всех здесь всё ещё были орденско-фридрицианским днём сегодняшним — благодаря сельскости «отсталой» провинции.

Прусская строительная академия уже в 1898 года указывала, что геометризм, пристрастие к параллельности и бесцельно разбросанным «площадкам» вместо площадей городу вредит; что сегментные и треугольные участки, образующиеся при такой разрезке территорий, красивы в плане, но неудобны в застройке; что веерные площади-перекрёстки с воткнутым в центре памятником неудобны ни для транспорта, ни для поминаемого, ни для жителей вокруг. Академия призывала к ансамблевости, к размещению доминант не на последних нераспроданных участках, а первыми. Чем монотонно раскладывать шаблонные оси, не лучше ли сохранить существующие тропинки по испытанным, истоптанным местам, варьировать улицы на транзитные или жилые или торговые по реальной в них потребности – и, сориентировавшись по ветру и солнцу, разбивать на участки, приятные глазу?..

С 1900х годов, побуждаемое Зитте и Шульце-Наумбургом ширилось движение «реформы», отказа от вымученного академического формализма и бытового фанфаронства, бескультурья, чьим отражением виделась бесстильность эклектики и «декадентства». Моральное обоснование движение находило во множестве источников: от почвенничества до приближавшегося юбилея Освободительных (наполеоновских) войн, от стремления обеспечить здоровыми рекрутами своё «место под солнцем» до спасения рахитичных и туберкулёзных горожан. Дезурбанизма «реформа» не предполагала, а стремилась к сообразному выражению городской жизни всех классов.

Возвращение к старопруссским добродетелям началось в «деляческих» мегаполисах, малые города долго ещё пытались строить «столично», когда столицы уже воспевали ясность, простоту и благозвучие, приводя примером – провинции. Нигде мировоззрения не сталкивались так явно, как в пригородных посёлках в «ново-провинциальном» духе – там, где эти посёлки, всё далее и далее отходя в пригороды, сталкивались с растущими городками провинции.

Недостатки прежнего формообразования домо- и градостроительства подчёркивала катастрофическая нехватка жилья, усилившаяся с биржевым крахом 1873 года. Исправить это положение стремились филантропические общества; с 1890х годов можно говорить о состоявшемся типаже жилищно-строительного кооператива или товарищества: филантропического, профсоюзного, казённых учреждений или отдельных профессий. Своей реформаторской целью они ставили не только удовлетворение жилищной нужды

«Reform», p.-моды, p.-дома, p.-кухня

«Реформа» включала группы от оккультных до профсоюзных, от обществ народной трезвости до вегетарианских, от гомеопатов до спортсменов, от педагогов до гимнастов – но всегда стремилась к переосмыслению данностей и ревизии ценностей: за реформой жилья появилась реформа самой жизни.

работника, а создание неотторгаемого домашнего очага, обеспечения покойной старости. Член товарищества, со-владелец недвижимости, автоматически включался в списки горожан и начинал выбирать свой муниципалитет.

Как и формы орденского градостроительства, виды организации и застройки товарищеских жилмассивов были готовыми принесены в Восточную Пруссию. Образцом всей стране служило реформаторское берлинское «Строительно-сберегательное общество». В них обязательно устраивалась библиотечка, частым явлением был летний детский лагерь или (фабрика-)кухня – во время частых кризисов, они многим безработным послужили поддержкой. Ограниченность фондов, собираемых самими членами кооперативов, требовала рачительности без монотонности, и уже первые берлинские постройки Месселя, стилистически следовавшие модному неоренессансу, проявили новый примат плана над (сэкономленным) фасадом, свежего воздуха, света и солнца над выгаданным квадратным метром. Обширные дворы без поперечных флигелей, рациональные, графичные в отделке своим центральным отоплением, внутриквартирными туалетами и общественными прачечными своим уровнем благоустройства, как это было и с сельскохозяйственными колониями Фридриха II, служили укором и образцом жилищному спекулянту.

Излюбленной формой домов кооперативов (государственных) служащих стал возвращённый в архитектурный репертуар распахнутый к улице обширный озеленённый двор-курдонер, использовавшийся столь часто, что улицы, обстраивавшиеся такими товариществами, подчас совершенно теряли свой характер улицы-коридора. Здесь также было удобно проводить торжественные собрания с кураторами. Профсоюзные товарищества, напротив, большее внимание уделяли внутренней жизни своих жильцов, так что даже и подъезды тут перемещались во внутренние дворы-поляны. Товариществами Восточная Пруссия зачастую опережала столицы:

в Алленштейне (1902 г.)	в Бартенштейне (1905 г.)	в Браунсберге (1890 г.)	в Велау (1902 г.)
в Гейльсберге (1908 г.)	в Гольдапе (1906 г.)	в Гумбиннене (1910 г.)	в Инстербурге (1903 г.)
в Йоганнисбурге (1909 г.)	в Кёнигсберге (1861—1902—1914—1916 гг.)		в Лабау (1903 г.)
в Лёцене (1902 г.)	в Лике (1902 г.)	в Маргграбове (1906 г.)	в Мемеле (1903 г.)
в Остероде (1902 г.)	в Пиллау (1908 г.)	в Пилькалене (1903 г.)	в Прейсиш-Голланде (1909 г.)
в Рагните (1910 г.)	в Растенбурге (1906 г.)	в Тильзите (1905 г.)	и прочие, числом 38.

«Spar- und Bauberein Berlin», ныне «Berliner Bau- und Wohnungsgenossenschaft von 1892», архитектор и руководитель Альфред Мессель (Alfred Messel) дома-квартилы сочетали общую собственность участка, всеклассовость, всепартийность и всеконфессиональность членства; самоуправление, торговый кооператив, сберкасса, детский сад...

«третий путь» между коммунизмом и капитализмом делал кооперативы врагами СДПГ, боровшейся с обуржуазиванием пролетариата

Отстав от делячества Парижа и Вены, Германия опережает своих соперников в области науки, становится меккой градоустроителей со всего мира.

За «Зеленью большого города» Зитте (1901 г.) последовал в 1904 году первый в мире журнал по градостроительству, первые градостроительные семинары Политехнических институтов Берлина и Ахена; в 1909 году Берлин провёл первую градостроительную выставку. Подспорьем им стали «Законы о необезображивании выдающихся мест и городов», обязывавшие в новом (градо)строительстве следовать характеру сложившейся местности – но те были исключительно запретительно-консерваторскими механизмами. Не были совершенны и создаваемые по этим законам охранные статуты: охраняли вид ратушной или церковной площади, но не замечали дымоходов и водокачек, прописанных на соседних улицах. До войны единственным такое правило себе составил Тильзит (1909 г.).

Статут не предписывал стиля, но требовал, чтобы по особо ценным улицам здания отвечали не только строительному уложению, но и сложившемуся характеру соседства, воспрещал рекламные короба и т.п. Рассуждение о таком соответствии держали комиссии или приглашаемые эксперты; при магистрате создавался постоянный худсовет.

1902 г., «Gesetz gegen die Verunstaltung hervorragender Gegenden»;
1907 г., «Gesetz gegen die Verunstaltung von Ortschaften und Landschaften»

Разработку статуты невозможно было бы провести, не уяснив самое характер охраняемой местности, и в 1909–1913 годах в Кёнигсберге вырастает первый в Германии музей архитектуры под открытым небом, где дома из разных частей провинции воссоздают атмосферу того или иного края. По всей стране, также и в Кёнигсберге (1910 г.), основываются «строительные консультации» для просвещения провинциального застройщика, строившего, обычно, без архитектора. Заказчика следовало направить согласно современному, приемлемому для его местности духу, в осознании ценности унаследованного орденского амбара и проч.

Уже через несколько лет меняются размечаемые районы городов, пусть новых, с чистого листа, до 1914 года и не закладывается более. Жёсткие функциональные зоны размываются, декоративную зелень сменяет здоровая и полезная, улицы приобретают характер и то один, то другой дом выставляют в поле зрения прохожего: в 1907 году строится первый подобный город-сад «Марга» — вторым встаёт «Ратсгоф», в Кёнигсберге, не ставший автономным муниципалитетом, но включавший в себя и производство (вагоностроительный завод «Штейнфурт»), и местную торговлю, и церковь, и школу, всю инженерную инфраструктуру, и лёгкий доступ в город поездами и трамваями.

Дома проекту Фрица Блейера строились на береговой террасе, поблизости от завода, но отделёнными от цехов заглублённой трассой железной дороги. Такое расположение скрадывало пространственность фабричных крыш, приближая к домам воды Преголи — и именно эти обращённые к реке южные корпуса строятся на этаж выше малоэтажных домов, живописными группами встающих на прямоугольной, но несоосной решётке улиц. Проектировалось до 600 построек, лёгких оштукатуренных фахверков, блокированных и отдельно стоящих, на участках от 130 до 700 м², при каждом доме — сад или палисадник, в общих подвалах — ванны. Жителями были конторские и заводские служащие среднего звена.

Другим примером реформенного города-сада были курортные городки, тоже не ставшие полноправными муниципалитетами. Начавшись в либерализме регулярными цветниками или прихотливо извивающимися дорожками в духе английских садов, они на рубеже веков достигают таких композиций, как Раушене, где, подтолкнутый к развитию Самбийской железной дорогой, достигшей моря в 1906 году, живописный план следовал не абстрактным линиям, а горизонталям береговых обрывов, урезам сохранённого леса, «диких ущелий», вошедших в неповторимый облик посёлка. Единомоментно возникшие пансионаты, гостиницы, ресторан, променады, церковь, купальни, курзал (1914 г.) оказались выдержаны в едином стиле. Муниципалитет примерялся к поглощению поместья «Георгенсвальде», частные предприниматели уходили в прошлое — даже и в отдалённых деревнях Куршской косы! Те именно в архитектуре видели ключ к успеху в туризме, охотно шли на художественную экспертизу построек, а выезжавших на этюды прельщали своеобразными наздорными должностями в полюбившихся им местах.

«Реформа» прошла от разгрузочных вентилях на перекипающем котле большого города, до городов-садов, сочетавших лучшее из двух миров: социальный дух, сельскую автономию — и коммунальные удобства.

Уже в 1907 году Алленштейн обзавёлся генеральным планом Теодора Гёке, спрямлённо-ландшафтного рисунка улиц, учитывавшим видовые точки для расстановки значимых зданий, долины, и удобство подъёмов из последних к первым.

По проекту Бруно Мёринга образцово обновлялся Тильзит (1915 г.), сочетал сложившиеся полевые проезды, линейные, по межам — и дуги бульваров, пронизавшие все районы, от парка у мельничного пруда к парку Иакова и далее. Город широко раскрывался к реке и пересекал её третьим мостом в Замемелье; главный рынок планировался сразу с запасом площадей для расширения, чтоб не пришлось и ему, по обычаю, через несколько лет вновь искать новое место; заранее предусматривались коридоры будущего роста. Послевоенные границы помешали претворению плана в жизнь.

Последним в этом ряду мог бы стать Кёнигсберг, с генеральными планами северных и восточных районов (1912 г.), южных и порта (1915 г.) и всего города (1916 г.). Строительный советник Кучке сохранял большинство зелени в долинах, в которые превратились крепостные рвы, ликвидировал старые железнодорожные пути, опоясывавшие западные предместья, освобождал набережные от причалов — ценой застройки до $\frac{2}{3}$ выкупленных городом бастионов и почти всего будущего Южного парка. Зелень, сохраняясь в плане, оставляла под застройку уличный уровень, ровно уходя на другой этаж, как это позднее произойдёт в Инстербурге.

Начавшись в войну, осуществление плана пришлось уже на другую историческую эпоху, в которую он вошёл в существенно переработанном виде.

**6. Восстановление на фронтах Первой Мировой войны,
Веймарский эксclave**

Российские войска с боями перешли границу Восточной Пруссии 17 августа 1914 года. Разрушений на своей территории Германия не ожидала: 1500 деревень и хуторов были сровнены с землёй, в 35 пострадавших городах от иных осталась едва ли треть (Тапиау, Шталлупёнен), в других стоял лишь дом-другой (Домнау и вообще Гумбинненский округ); Ширвинт и Эйткунен были разрушены почти полностью. По всей провинции безвозвратно утрачены 3439 построек в городах и 28891 в сельской местности.

Крупные центры, Кёнигсберг или Инстербург, избежали значительных разрушений, для малых же городов война стала поводом невиданного ранее подведения итогов городского строительства в провинции – и результаты были неутешительны. Прежде славные своей гармонией, в последние десятилетия города застраивались вразнобой и стояли непосредственно перед утратой своего собственного «я», своего силуэта, своей орденской планировки. Бесконтрольный рост, как в длину (по трактам), так и в высоту (этажей) или в промышленность (дымоходами и водокачками в совершенно не созданных для того местах) делал эти первоосновы совершенно нечитаемыми. Их, несмотря на все старания строительных консультантов, и не стремились читать: осознанию ценности этих планировок не более ста лет!

Восстановления житницы рейха требовала логика военного времени, но, благодаря вмешательству «Веркбунда», «Союза Дюрера», «Защитников отчизны» и других, утилитарная задача превратилась в сохранение, спасение и неразрушительное развитие целой провинции. Утрата, почти полная, материального наследия, вкупе с искренним желанием не только его возродить, но и учесть и отразить, не привирая, сегодняшние требования к городскому устройству казалась квадратурой круга. Новый старый город виделся функциональным, сообразным, здоровым и доступным (в том числе и по расходам); поэтичным, локальным, историчным и, главное, созданным для согласного совместного проживания.

Либеральный градостроитель мог беспокоиться о канализации, насосных станциях и полях аэрации – «защитники», не отрицая благ санитарии, противопоставляли удобству расходы, подобной системой возлагаемые на все, даже и самые окраинные районы города: для возмещения затрат на инфраструктурную сеть, застройщик вынужден был, даже если прежде и не намеревался, занимать свой участок до предела, и вот уже там, где удачно разместился бы город-сад, вставляли дома-казармы – так стоило ли так настаивать на тотальном канализировании? Инженер дорог и путей во главу угла ставил беспрепятственный транзит, прямоточность движения, спрямлял дороги, взрезал холмы – но стоили ли все выгоды такой магистрали снесённой исторической застройки, затрат на отчуждение и сломку? Будучи транзитной, должна ли была дорога непременно через город проходить?..

«Dürerbund», просветительно-охранное общество, 1902–1935 гг., выпускало журнал «Хранитель искусств» («Der Kunstwart»), рупор «реформы» «Deutscher Bund Heimatschutz» (1904 г., союз охраны природы, (народного) искусства, (строительных) традиций, праздников и проч., разрушаемых промышленностью и крупными городами.

Учёт не только города, но и прилегающего региона – в началах регионального планирования. Не случайно именно при восстановлении Восточной Пруссии (и оккупации Прибалтики) появилась железная дорога Тильзит – Рига. Восстанавливаемая провинция должна и могла вновь воспользоваться чужим опытом, избежать чужих ошибок, тем более, что инженерно-либеральная вера в самоизлечение рынком уже доказала свою спорность.

6.1 Расчистка корней: военные восстановление и реконструкция

Разрушенным городам были выделены небывалые средства – вновь Восточная Пруссия выиграла от несчастья, на этот раз – своего: 27 августа 1914 года вышел указ о помощи беженцам, 24 сентября создана комиссия военной помощи, в октябре выделен 400-миллионный восстановительный фонд, 14 ноября изменены правила выплаты страховых и субсидий. Шефские объединения со всей страны охватили даже и малейшую деревню. Наконец, 16 февраля 1915 года кайзер телеграфировал рейхсканцлеру: «новая... жизнь да расцветёт из руин Восточной Пруссии». Слова не преминули стать другим законом.

Другим велением времени стала сломка унаследованных едва ли не от ордена разноправных барьеров: в Алленштейне, Гумбиннене, Кёнигсберге и Тильзите действовали отдельные Строительные уложения, в трёх краях, составлявших провинцию, было ещё три. Унифицировать их в мирное время не смогли – теперь не смогли терпеть, наряду с тарифами, мешавшими распространению строительных материалов и технологий, или установленными крайне низкими гонорарами проектантов, не привлекавшими, а отвращавшими от работ. Ныне подобного допустить нельзя было никак.

Обеспечение строителей из казны связали редакторским вмешательством в проекты застройщика. В помощь и художественное руководство строительной полиции отправили до 500 архитекторов из метрополии, «строительных заступников». Как беспристрастным защитникам им не дозволялось самим брать подряды или производить работы, их обязанностью стало заступаться за образ прежнего города и ландшафта перед администрациями, организациями и частными застройщиками – под угрозой невыплаты, в случае несогласования, восстановительных пособий застройщику. Самим же кандидатам на должность, в случае несогласия, грозило возвращение в метрополию – там, с самого начала войны, гражданское строительство было директивно прекращено.

«Районные архитекторы» устанавливали принципы и образы отведённых им округов, вели надзор за работами; нередко и сами проектировали в Строительных консультациях, как Фрик в Шталлупёнене или оставляли застройку своих городов кому-то одному, как Штоффрегену в Гердауэне или Шополю в Гольдапе.

Районными архитекторами были:

в Ангербурге — Гемпель (Hempel)

в Браунсберге — Пудор (Pudor)

в Велау — Тучек (Tuczek)

в Гердауэне с Алленбургом — Локе, позднее Энгер (Locke, Engler)

в Гогенштейне с Остероде и Алленштейном — Кройтле, позднее Гильшер (Kräutle, Hilscher)

в Гольдапе — Келлер (Keller)

в Гумбиннене — Крухен, позднее Винантс (Kruchen, Wienandts)

в Даркемене с Инстербургом — Мауль, позднее Гунтемюллер (Maul, Huntemüller)

в Домнау с Фридландом и Прейшиш-Эйлау — Гофман, позднее Заутер (Hoffmann, Sauter)

в Зенсбурге с Рёселем и Гейльсбергом — Вольф, позднее Вёблинг (Wolf, Wöbling)

в Зольдау с Нейденбургом — Кам, позднее Бёттгер (Kahm, Böttger)

в Инстербурге — Крухен (Kruchen)

в Йоганнесбурге — Вагнер, позднее Лубовски с Генри (Wagner, Lubowski, Henry)

в Лётцене с Растенбургом — Верц (Werz)

в Лике — Брурейн, Цолльвег и Раленбек (Brurein, Zollweg, Rahlenbeck)

в Маргграбове с Олецко — Радке, позднее Рёвер (Radtko, Röver)

в Мемеле — Гаман (Hamann)

в Нейденбурге — Шлемм (Schlemm)

в Ортельсбурге — Браун и Росвог (Braun, Roßwog)

в Пилькалене с Ширвиндтом — Эрдменгер (Erdmenger)

в Тапиу с Велау и Лабиу — Ротер (Rother)

в Тильзите — Вагнер (Wagner)

в Шталлупёнене с Ширвиндтом и в Эйдткуненом — Лотц, позднее Фрик (Lotz, Frick)

Будущий районный архитектор Вагнер славился работами в «Веркбунде», Вольф был виднейшим пропагандистом городов-садов, Крухен побеждал эпидемии, Фрик строил Геллерау... Привлечение государственных строительных администраторов на посты районных архитекторов воспрещалось столь же непреклонно, как и работа генподрядчиков. Регулировали долю использования территории, высоту зданий (понижена до одного-двух этажей с мезонином), планировку дворов (без поперечных или продольных флигелей), вообще планы, фасады и обозримые части зданий: так и не выпустив охранные статуты, города Восточной Пруссии пошли далее и претворили в жизнь идеи кёльнской выставки «Веркбунда» 1914 года.

«Закон Адикеса» дал районным архитекторам принудительного отчуждать участки, спрямлять межи, объединять и заново делить участки для создания более пригодных для застройки территорий: второй-третьей линией прокладывались новые улицы, выставлялись на продажу новые участки,

«Lex Adickes», 1902 г., первоначально муниципальный; по имени бургомистра Франкфурта-на-Майне, Франца Адикеса.

застранивались традиционными фасадами в новом прочтении... Городами-садами стали Гердауэн, Тапиау, Ортельсбург, Лик; нашлись и были поставлены под охрану позабытые в веках городские стены – в Гогенштейне, Нейденбурге и иных.

Объём работ на ведущие роли повсеместно вывел «Товарищества малых поселений», а те не преминули упорядочить объёмы и проезды, обобщить и типизировать объём и декор, округлить в единое целое даже городские границы – подход, встречавшийся и при первоначальной застройке ордена, ныне предписывали размах работ с военной нуждой. Красоты следовало «не втискивать в вымученно-стародавние градостроительные планы, но давать им прорасти в них естественным образом, стать неотъемлемой чертой современности», «современность имеет природное право на собственное слово» в городском ансамбле, и лишь созданная в духе собственного своего времени форма имеет шанс ожить. «Создать родину» – подобный романтизм служения не мог воплотиться в жизнь никогда, кроме как в начальный период Первой Мировой войны, полный ещё национального идеализма, не обратившегося ещё в национальную исключительность последующих лет.

Стиль такой архитектуры современники называли «восстановительным».

Представить не форму зданий идеально-типического орденового города, а его характер, разнообразие и схожесть крыш, аркады галерей, целостное обрамление единственной в своём роде ратуши. Отринув искусственное возрождение орденовой древности, найти новую общность, созвучие, солидарность, взаимопомощь ансамблей людей и домов. Подчёркнутое внимание к местным традициям и укладам противопоставлялось турнюрам псевдо-стилей предшествовавшей эпохи. Воссоздавалась не прежняя реальность, а её идеал; возгонка и упорядочение сельских и городских принципов, найденных арх-затупниками на месте. Возвращались к традиции, к высоким черепицам вместо плоских толевых крыш из-за доказанной способности именно этих решений и материалов ответить именно здесь требованиям прочного и дешёвого строительства!

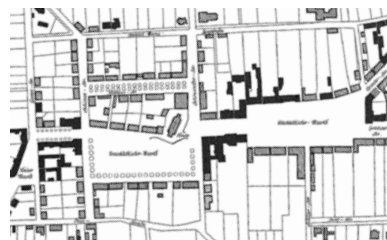
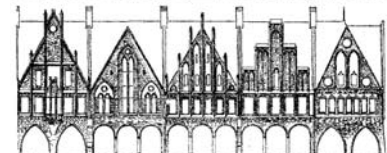
Двойные города – некрополи в паре с новыми поселениями – предлагались неоднократно для наиболее разрушенных поселений (Ширвинт и др.), но поддержки не получили. Реконструкция, так же, как и некогда строительство, начиналась от рыночного «кольца», и нередко приводила к созданию концепции развития города на годы вперёд.

При восстановлении Домнау на площади были выровнены углы, убраны куполки и эркеры, согласованы друг с другом коньки крыш на уровне в один-два, много три этажа. Расширение одной из улиц позволило создать малую предплощадь у церкви на холме – ранее её вовсе не было видно из её (!) города. Подобную же расчистку крыш произвёл Гердауэн, где даже при организации угловых подрубок нижних этажей крыши получали правильную четверугольную форму. Оба города особое внимание уделили планомерно устройству витрин.

В Шталлупёнене тройная система площадей фон Унфрида обогатилась пропилеями, их аркады стали одним из редких примеров возвращения к этой исконно прусской форме, пусть и в укороченном виде, для достижения максимального эффекта минимальными средствами – более длинным аркадам противились торговцы, ценили свободные от непогоды галереи, но важнее им были затеняемые навесами витрины.

Другим «аркадным» городом стал Зольдау, сомкнувший стены перпендикулярных сторон площади, так что ввод улицы на неё едва ли не впервые в провинции прошёл под аркой, как на площади Вогезов. Единства вековых доминант и современных форм Фридланд стремился достигнуть, намечая создание нового торгового центра, что расположился бы вне старых пределов, на полпути к железнодорожной станции, куда городу в дальнейшем предстояло продолжать расти – и оформлением его аркадами, такими же, как и на старом торговле. В Гольдапе об аркадах напомнили плоскими нишами – в сочетании с гладкими стенами верхних этажей, они рыночной площади (три типа зданий!) придали завидную цельность, подхватив мотивы орденовых лет.

Ортельсбург, засыпав овраги строительным ломом, случайный треугольный перекрёсток расширил, создав у стен замка очередную композицию большего и меньшего торгов, пятачки и пятацетты. Здесь же новый променада раскрыл позабытую ранее озёрную сторону города. Совершенно оригинален проект ратуши Йозефа Гофмана, длинным языком протянувшейся вдоль новой

площади, отсекая её от проходящей стороной главной улицы. Декор протяжённого фасада, вольно интерпретирующего готические мотивы, неглубок и растянут, тогда как узкий торец, замыкающий ось главной улицы, развит и рельефен, замечательно отвечая углам обзора. Вокруг площади предполагалось возобновить аркады.

Бишофсбург не только радикально перераспределил дома по рынку, установив единую меру фасада, окон, витрин и даже вывесок: здесь в архитектурный словарь вошли остеклённые лоджии. Их «летние» рамы выставлялись – так дома отвечали и требованиям современного комфортного жилья, и традициям местной застройки, балконов не знавшей. Даркемен во имя сохранения характерного пространства рынка пошёл даже на оставление его неизменным: неудобства торговцев, разбивавших свои лотки на накрёнённой площади, не шли ни в какое сравнение с подчёркнутой значимостью ратуши, замыкавшей вершину этого покатога торгова.

Последним, к 1922 году, закончили восстановление Тапиау, где стройку, после всех домов жилых и торговых, завершила новая ратуша – в традиции места она не встала на рыночной площади, парадное место было уступлено разросшемуся скверу.

Эйдкунену тогда же (1923 г.) присвоили городской статус: после войны сомневались в необходимости этой пограничной станции как таковой. Для первого действительно городского узелка на дороге, названной городом, архитектор Фрик воспользовался единственной точкой, где луч этот преломлялся, развилком у пограничного моста. Расширив его до изящной трапеции, оформил границу аркадными пропилеями. Впрочем по городу высота домов была ограничена двумя этажами с чердаком, запрещена блокировка домов и введены десятиметровые разрывы в застройке.

Центр новой и единственной площади города заняла – таможня.

6.2 Новые саженцы: Веймарская республика

Проигранная война и версальские границы вновь отрезали провинцию от метрополии, обнажили её исконные проблемы: недостаток рук, односторонность производств, зависимость от государственного присутствия, гарнизонов — военное ведомство едва ли не прекратило своё существование в провинции.

Единственным военно-градостроительным приобретением мог похвалиться Пиллау, ставший в 1920 году одной из военно-морских баз, дозволившихся Германии.

Военные годы также оставили после себя и широкий фронт восстановительных работ, опыт районных архитекторов, вообще непрерывность строительства. Редкий делец рисковал строить во время революционных волнений и царства печатных денег — здесь, в провинции по существу сельской, продовольствия, эрзац-валюты послевоенных лет, было достаточно для новых посёлков и новых усадеб. Центру не хватало современных строительных материалов — здесь уже в войну вспомнили о глинобитии и фахверке. Поселяне восстановления служили убедительным подтверждением правильности бегства из больших городов, к земле. Казармы распущенных полков служили квартиному строительству, целым микрорайонам на месте былых белых пятен городских карт. Образцово выступил Дейч-Эйлау, создав ансамбль посёлка имени Блюхера (1926–1926 гг.), в иных городах подобное же преобразование пережили и поместья.

Необходимость завершить восстановление, разместить беженцев из Западной Пруссии, делавших квартирное хозяйство Восточной Пруссии наименее благополучным и старой, и новой Германии — все это воспрепятствовало распространению в Восточной Пруссии «нового зодчества» новой республики. Берлин или Франкфурт внимали манифестам «нового начала», типизации, работы с объёмом и цветом, отказа от избыточного декора — в Восточной Пруссии они практиковались едва ли не с орденских лет, а потому также не воспринимались чем-то революционно новым. Свободно стоящим строчным домам, ориентированным по странам света, плоским крышам и панорамным окнам не удалось распространиться даже на здешних курортах, быстрее прочих перенимавших модные веяния.

снизились к 1905 г. к 317 жителям на гектар, плотность населения в Кёнигсберге к 1925 г. возросла до 420 человек

Кёнигсберг (1920 г.) обзавёлся общегородским генеральным планом, зарезервировав площади для новых жилых кварталов (вплоть до бастионов), парка и ярмарки (на бастионах) и промышленных площадей (вне бастионов, у железной дороги). Вокзальная площадь стала многомодальным центром: здесь сходились магистрали-дублёры центра и оси новых районов южного берега, по другую сторону путей, за товарной станцией, рос морской порт; предполагалось освоить Ломзинский остров, построить там промышленный район и порт речной, удобно связанный, улицами и узкоколейной дорогой, и с вокзалом, и с аэропортом (1919 г.).

Жилмассивы новой застройки не играли в Кёнигсберге, за размером города и неимением военных разрушений, столь решающей роли, как в других городах Восточной Пруссии, полностью переменявших свой строительный облик — Кёнигсберг прибёг к благоустройству, и вскоре по новому распланированные и озеленённые окраинные посёлки, вкупе с «парковым кольцом», опоясавшем исторический центр, принесли ему славу «Кёнигсберга в зелени садов».

Пока же этого не произошло, бастионы осаждали и дельцы, и Совет рабоче-солдатских депутатов: одни видели в неиспользованный резерв площади, другие — монумент милитаризма и роялизма. Лишь вмешательство бургомистра Ломейера и разгон Совета предотвратили снос ворот, начиная с Королевских: Совет, жаждавший нового общественного строя, в действии оказался совершенно сродни либеральному магистрату. Лишь под защитой штыка Эрнст Шнейдер смог создать зелёное кольцо (1919 г.); удобные выезды и въезды прорезали валы, оставив те новомодными парковыми павильонами.

Попыток связать их с новой застройкой не производилось, и домовладельцы лишь в редких случаях превращали свои прежние задние двory в новые, обращённые в парк фасады. Инстербург, реконструировавший парк «Стрелецкой долины» десятилетием позднее (Гуго Кауфманн), избежал подобной разобщённости устройством видовых площадок и обходов парка вне уличной сети.

Инстербург также основал спортивные парки стадиона и ипподрома, и даже Замковый пруд в городском парке своей формой обязан танцам на льду (круглая площадка) и конькобежному спорту (прямоугольная). Фишгаузен воспользовался полосой намытого грунта для спортплощадок и купален, сохранив тем самым вид города с моря, но уничтожив водные стороны береговых домов, некогда рыбацких.

Отталкиваясь от довоенных товариществ, города самостоятельно вступали на жилищный рынок: в Кёнигсберге с 1919 по 1924 год жилое строительство велось исключительно городом и на городских же участках. Во все стороны распространялись новые посёлки и микрорайоны, на Трагхеймер Пальве, в Лавскене, Липе и Марауненгофе; в Понарте, Шпандинене, Иерусалиме и Шпейхерсдорфе; в Баллите, Кведнау, Метгетене, Ротенштейне и Шарлоттенбурге; город Нейгаузен стоял на пороге превращения в город-спутник, и Танненвальде служил образцовым пригородным посёлком. На бывшем поле для манёвров, Герман Мутезиус проектировал 686 домов на участках в 1 морген для садоводчества поселённых тут работников, продолжавших трудиться в Кёнигсберге. С 1919 по 1938 год посёлок вырос с 432 жителей до 2669, но отказывался от звания «города-сада», столь запятнано было это имя коттеджными посёлками либеральных лет.

Не отставали и другие города провинции:

Арис:

8 десятиквартирных домов с огородами, 1926–1927 гг.

Гердауэн:

«Посёлок у городской черты» («Stadttrandsiedlung»)

Гольдап:

«малое поселение открытого типа», до 140 участков, 1924–1926 гг.
городок инвалидов
«Мельничные ворота», 1925 г.

Гумбиннен:

колония «Воля» («Freiheit»), с 1919 г., до 200 квартир, закончена после 1933 г.

Гутштадт:

посёлок «Гутштадт», арх. Курт Фрик

Инстербург:

посёлки «Шпринт», 1918 г. и «Пёстрый ряд» («Bunte Reihe», 1921–1924 гг., арх. Ганс Шарун Казернен- и Мемелер штрассе, 1924–1925 гг., 162 квартиры

Кранц:

посёлок «Адольфова круча» («Adolfshöhe»), 1920–1921 гг.

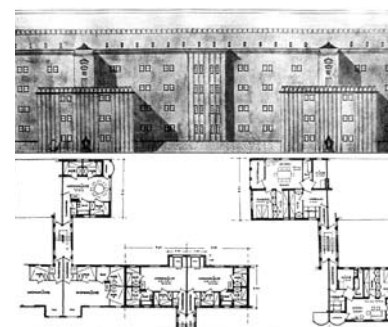
Морунген:

посёлок «Морунген», 1921–1925 гг., 150 квартир, арх. Курт Фрик

Тильзит:

посёлок «Зентейнен» («Senteinen»), у сельской колонии того же имени

С 1921 по 1927 год были построены 7381 квартира и 543 коттеджа, цельные поселения по всем правилам социальной гигиены и общежития. Строящиеся городом и на городской земле, они не вымеряли каждый квадратный сантиметр площади; геометрические цветники либеральной эпохи и улицы-коридоры сменялись формами гораздо более старыми, но заново интерпретированными. Линия домов, не прерываясь на курдонеры или строчки свободно стоящих призм, шла меандром, широким и неглубоким двором, позволявшим даже и в городской среде создание небольших «соседств». Строительство группами полутдельных домов распространилось и в городе, и в сельской местности. Недостатком новых выселок стало их исключительно жилое наполнение – шаг назад как по сравнению с довоенным «Ратсгофом» или фридриховым «Нассер гартеном». Обладатели новых квартир требовали общественного транспорта, и под его напором неширокие улицы немедленно стали задыхаться. Проектирование внеуличной транспортной сети не завершил ни один город.

Тогда же появились статуты, затребованные ещё в 1915 году:

в Ангербурге (1922 г.)

в Гольдапе (1922 г.)

в Гумбиннене (1925 г.)

в Инстербурге (1921 г.)

в Марзграбове (1924 г.)

в Пилькаппене (1922 г.)

в Рагните (1922 г.)

в Шпринте (1923 г.)

в Шталлупёнене (1921 г.)

в Эйдукунене (1923 г.)

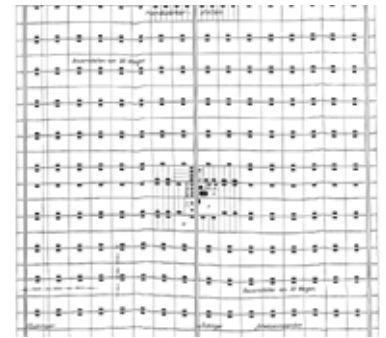
Характерный перечень охраняемых объектов даёт Инстербург: семь центральных улиц, рыночная площадь, ратуша, замок, два частных дома и амбар. Некоторые пригороды отводились под коттеджи «сельского вида», другие предоставлялись самим себе. Вводился художественный совет при строительном управлении города, из двух (высокопоставленных) служащих, двух магистратов и четырёх горожан.

Постоянной бедой восточного предела Германии оставалось безлюдье, в войну планировали поселить здесь ветеранов, после – вторым законом, принятым веймарским Национальным собранием в 1919 году, стал «Закон о (сельских) поселениях». При его предшественниках (1886 г., 1890 г., 1891 г.) по 1918 год было создано около 4000 новых крестьянских хозяйств на выкупленных у магнатов полях; с 1919 по 1925 год – дальнейшие 2500, наконец, ещё 5000 до 1930 года. Успехом как среди беженцев и демобилизованных военных, так и разочаровавшихся столицах горожан или безземельных крестьян пользовались строившиеся с 1921 года посёлки сельскохозяйственных рабочих (Зимонен, Трёмпау и др.) и рыбаков

«Reichssiedlungsgesetz»;
«Verordnung zur Behebung des
Landarbeitermangels»

(Нейкюрен-Вангенкруг). Распространились «разбросанные поселения», не образовывавшие слитного деревенского плана предшествовавших веков: дома поселенцев регулярно расставлялись посреди выделенных им 20-морговых участков, и лишь последним рудиментом деревенского сообщества на проезжей дороге проектировались лавка, почта, церковь и кабак. Такие поселения можно было создавать почти повсеместно, не требуя компактно прилегающих друг к другу полей – но перестало хватать поместий для выкупа и раздела, так что дальнейшие крестьянские дворы предполагалось создавать на осушаемом Фриш-гафе (1928 г., 13056 дворов).

Эти меры смогли снизить зависимость от польских сезонных рабочих с довоенных 27000–27000 человек до 5500 в 1927 году, но рабочих рук продолжало нехватать, навстречу притекающим поселенцам в столицу, на Рейн и на Рур спешили приехавшие поколением-другим ранее. Доля городского населения Восточной Пруссии с 33% в 1910 году к 1925 году поднялась до 39%, но промышленность рейха к переселению на восточнопруссские поля побудить не удалось и даже полноценного сельского заселения собственных своих форм Веймарская республика не породила.

7. Город Третьего рейха

7.1 Партийное строительство: гауфорум

Кёнигсберг, столица одной из сорока новых провинций-гау, не стал «городом фюрера» (Берлин, Мюнхен, Нюрнберг и Гамбург), хоть магистрат и требовал (1938 г.) себе места в этом почётном списке. «Шпеером» местного значения стал свой, городской проектировщик, и оси Север – Юг и Запад – Восток, с главной площадью в перекрестии, вышли из под его пера даже совершеннее прообраза.

*Albert Speer, архитектор,
«Генеральный инспектор по
переустройству» Берлина*

В проекте (1940 г.) санировался весь центр, старая застройка низводилась до «сполий», свидетелей великого прошлого, оттеняющих единую волю размахнувшегося на весь город настоящего: даже орденский замок низводился до рядового, хотя и значимого объекта.

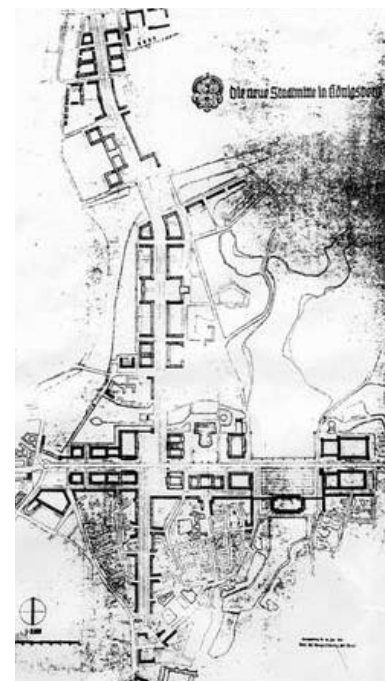
От северного вокзала по территории «Восточной ярмарки» и до берега Верхнего пруда должен был размахнуться общественно-административно-парадный форум 80-метровой ширины. Здесь вставали гигантская ратуша, дворец имперского уполномоченного и партийное управление, «Фронт труда» и «Зал 20000», оперный театр и главный стадион.

Ось Север – Юг, 60-метровой ширины, пробивалась через Трагхейм к южному вокзалу зданиями железнодорожного управления, суда, командования военного округа, промышленно-торговой палаты, образцовыми магазинами и развлечениями – первым в городе чисто административным «сити». Портал вокзала ось не только завершал, но и переламывал, под прямым углом отправляя к ярмарочному комплексу Южного парка: шоссе из Берлина входило в город непосредственно через него, подчёркивая, а не оспаривая главенство вокзала на Рейхсплаце. На север новая магистраль устремлялась через училищный городок Эрнстгофа, в Замиттене встречала 8000 – 10000 жителей, изгнанных ею из центра города, и завершалась в шеститысячном районе на южной оконечности Фриценского леса, в переселённом университетском городке. Обе завершающих площади, не претендуя на повторение орденских мотивов и значительно превосходя те размахом, получали магистральные вводы не по продольной оси, а через один из углов.

Развитием проектов веймарского времени стало кольцо дорог по всей линии вального укрепления – торжественная крест-магистраль так освобождалась от непрезентабельных потоков транспорта и людей. По внешнему контуру город описывала объездная дорога, переходила в берлинский и самбийский автобаны. В Кранце магистраль Ахен – Берлин – Кёнигсберг триумфально завершалась бы многотысячным новым районом у моря; оформление выхлеста на Велау и Гумбиннен не было завершено.

Из грандиозных замыслов осуществлено было немного. Единственной расчисткой в районах, отведённых под реконструкцию, стала конфискация и снос после 1937 года домов масонских лож на Замковом пруду: так замкнулся бульварный пояс Кёнигсберга. В Девау, Баллите и Понарте строились масштабные военные городки с офицерскими домами, увеличенные копии кварталов «реформ», высокие корпуса-карэ по красной линии улиц.

В аванпорту Пиллау был построен железнодорожно-морской вокзал (1937 г.), но при всей транспортной изящности градостроительных проблем не разрешил: среди пакгаузов он стал даже хуже связан с городом, чем станция-предшественница. Значительным авиаузлом стало поле в Девау, в бухте Шпикинг проектировался гидроаэропорт, но ни один, ни другой аэровокзал не получили и на бумаге должного выхода в город.

7.2 Партийное строительство: низовая ячейка

Став рейхсканцлером, Гитлер уже летом 1933 года заявил в кабинете, что население Восточной Пруссии надлежит увеличить на 1½ миллиона, «чтобы навсегда сохранить её немецкой». Средством к тому должны были стать производства на местном сырье, новая внутренняя колонизация, «возвращение к земле» — и новые гарнизоны. Военное строительство оказалось самым быстрым в осуществлении — недолговечный рейх остался в памяти временем строительства казарм и залов собраний, население же с 2333301 жителей (1933 г.) увеличилось всего лишь до 2488122 (1939 г.).

Проекты идеальных городов исполняли проектные штабы Генриха Эггерштедта в «Германском фронте труда» и Альберта Шпеера: укрупнённо-«пост-реформерской» застройке по парадным магистралям, решённым в «неувядающей классике», в малых городах городах и выселках-спутниках противопоставлялись «истинно немецкие» плотно сбитые ремёсленные формы среди полей и перелесков, по образцу орденовских образований. Согласно новому восприятию ордена, районы группировались вокруг общественных центров национал-социалистического единства: залов собраний, партийных комитетов, домов гитлер-югенда; согласно новой мироорганизации, не радиус пешего перехода ограничивал протяжённость городской округи, а 4000–5000 населения низовой партийной ячейки. Выше этого предела расти они не могли; избыток населения надлежало направлять на новую колонизацию — вовне.

Планировалась иерархическая сеть из 2800 новых сёл для немцев-остзейцев, колонистов-волынцев и галичанан, последовавших в 1939 году призыву вернуться в рейх. Их вновь, как и веками ранее, ждала наследуемая аренда с испытательным сроком. Новинкой стала трёхчастная схема расселения: промежуточным звеном между деревнями (300–400 жителей, 2 крупных хозяйства более 50 га., 26 средних хозяйств в один гуф, 12 дворов сельскохозяйственных рабочих) и городками предполагались, в пешей доступности, «главные деревни» (то же, что и первые, но с администрацией, фельдшерским пунктом, школой, детским садом и стадионом); другой новинкой была неотменяемо государственная земля и размер полей, прежде отмерявшихся по количеству членов семьи колониста, а ныне значительно увеличенных в расчёте на рабский труд. Деревни, дома и вся схема расселения отвечали не только всем требованиям механизации и гигиены, но и вождизму и сегрегации новой эпохи.

Поселения нового рейха, впервые, предписывалось решать в стиле родных деревень переселенцев; сажать «деревенскую липу» или «деревенский дуб», ставить колокольню — пусть и без церкви, башней с часами обычно оснащался «дом собраний», он же партком. Роль ратуш, ранее гордо стоявших в центре даже и самого маленького восточнопрусского городка, сводилась к администрированию, отчего они зачастую и вовсе не предполагались к постройке отдельными зданиями. Старым поселениям, буде они включались в новую схему, предписывалась санация, очищение от «наносной не-немецкости» — зримым отражением её стали переименования, волной прокатившиеся по Восточной Пруссии.

Многие постройки Третьего рейха не были новыми проектами, а лишь продолжали или завершали начатое до прихода к власти нацистов. «Посёлок безработных» по социал-демократической программе 1929 года, начатый сберкассой в 1931 году, мог уже в 1933 году быть открыт как «посёлок нацистских фронтовиков». Таковы

в **Гумбинне** — посёлок по Гольдапскому шоссе, «Аннагоф» и др.

в **Нейгаузене** — Танненвальде и Тиргартен

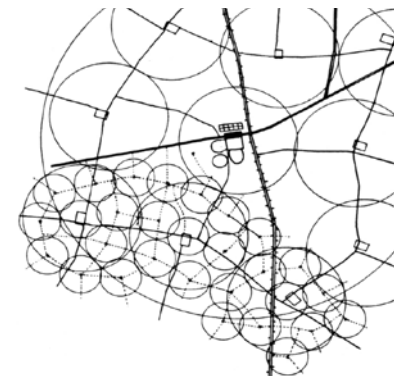
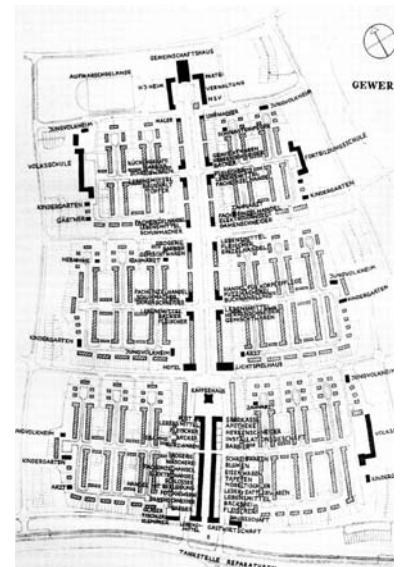
в **Домнау** — кварталы ул. Геринга, Весселя, Флекса

в **Пиллькалене** — у шоссе на Ширвинт

в **Кёнигсберге** — «Вестэнд», «Зудиттен», «Куммерау», «Кведнау», «Ратсгоф», «Розенау», «Танненвальде», «Фридрихсвальде», «Шарлоттенбург», «Шпейхерсдорф»

в **Тапиу** — посёлок ветеранов и инвалидов

в **Тильзите** — «Финкенау» и Шиллгаллен-«Тейхорт»

Большинство из них застраивались типовыми односемейными коттеджами с малыми вариациями: попытки выработать новое, современное жильё из наследия каждой местности, характерные ещё двумя десятилетиями ранее сменились единым

общегосударственным типом, отличавшихся от гау к гау лишь незначительным рисунком декора. Характерно отсутствие полукруглых, групповых решений: новые дворы стоят по линейке – но раздробленно; пространство, заявленное как отражение нового единства обновлённой нации, более не зовёт к слитности или солидарности.

Система жилищных товариществ была радикально упрощена, «чуждые» социальные службы (кооперативные магазины, кухни, детские сады) переведены в отраслевое подчинение и оставлены на будущее, так что новые кварталы подчас не имели даже минимальных сопутствующих функций – бывшие целостные ячейки общества становились не более чем жилыми клетками.

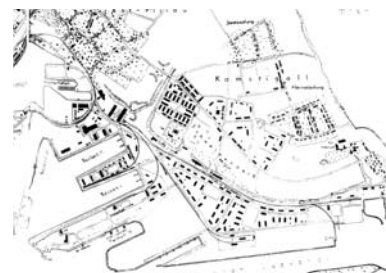
Оттого удручающе скучен посёлок им. гауляйтера Эрнста Коха в Лабиау. Архитектор Фрик, строивший его с 1935 года, вновь обратился к орденскому мотиву и свёл улицы Густлова, Гитлера и Весселя в углы центральной площади – но орденский образец остался лишь формальностью, так как о его роли как центра поселения речи уже не шло. Вскоре идея и вовсе была пожертвована застройке.

Пиллау, традиционно расширявшемуся казармами, напротив, удалось создать комплекс нового городского района Камстигалль. Первенцем здесь стал садово-огородный «посёлок моряков» (1930 г.): блокированные группы одноэтажных домов, ступенчатыми змейками следующие за линиями проездов. Возобновление базы флота увеличило город (7577 жителей в 1933 г., 10980 жителей в 1939 г.), заставило уплотниться – посёлок Нейтиф был пожертвован баз, зато в Камстигалле немногим севернее моряков появился «городской посёлок», с коттеджами по новым, обособленным правилам. Соединять обеих должны были морские семейные казармы в три этажа (1937 г.).

Построенный первым, «посёлок моряков» единственным декоративным приёмом оставил себе чердачные слуховые окна, город свои «государственные дома» оттенял верандами то с одной, то с другой стороны, казармы с характерными сегментными арочками подъездов возводились по всему рейху безо всяких вариаций – но случайное схождение здесь трёх линий скупого нео-традиционализма, исключительные виды на залив и дальше, на Балгу, намеренно напоминавшие о некогда существовавшем здесь пешем пути, сделали Камстигалль даже и без лавок или зала собраний чем-то совершенно исключительным.

Цельной городской ткани расширившийся Пиллау не получил и на сей раз.

«Reichshaus», именем сродни общегосударственному единому бараку «Трудовой службы» (RAD-Baracke), одинаково удачно служившему временкой, казармой – и концлагерем

Единственным новым муниципалитетом гау Восточная Пруссия стала деревня Гейдекруг, город с 1941 года. Перепланировки при этом не проводилось.

Завершением германской градостроительной истории Восточной Пруссии стали лагеря беженцев, которыми немцам пришлось довольствоваться после 1945 года. Зачастую ими становились распущенные лагеря военнопленных и «остарбайтеров».

Послесловие

Поступательное развитие – не удел мест, где рыцари заместили природных пруссак, французские, голландские, швейцарские и австрийские колонисты Фридриха – обезлюдившие после Семилетней войны поселения, а переселенцы из 30 областей и краёв СССР – всех вышепомянутых. Всё же, повторяя слова Виолле-ле-Дюка о Каркассоне, следует заметить, что как минимум трижды градостроительство Восточной Пруссии представляло собой вершину достижений своей эпохи: при ордене, при Фридрихе II, и при восстановлении после Первой Мировой войны. Мысль, разработанная извне, чуждая месту, становилась ему родной, так как в основе её лежала возгонка до абсолюта принципов, знакомых и понятных как уцелевшим жителям, так и новоприбывающим из метрополии колонистам. Остаётся лишь удивиться советскому периоду, произведшему, как и ранее, замену всего населения, но не уделившему не только рядовым городам области, но даже и Калининграду того внимания, которым по праву гордится образцово реконструированный Минск.

Нахождение (п)русской формы заселения – задача наших дней.

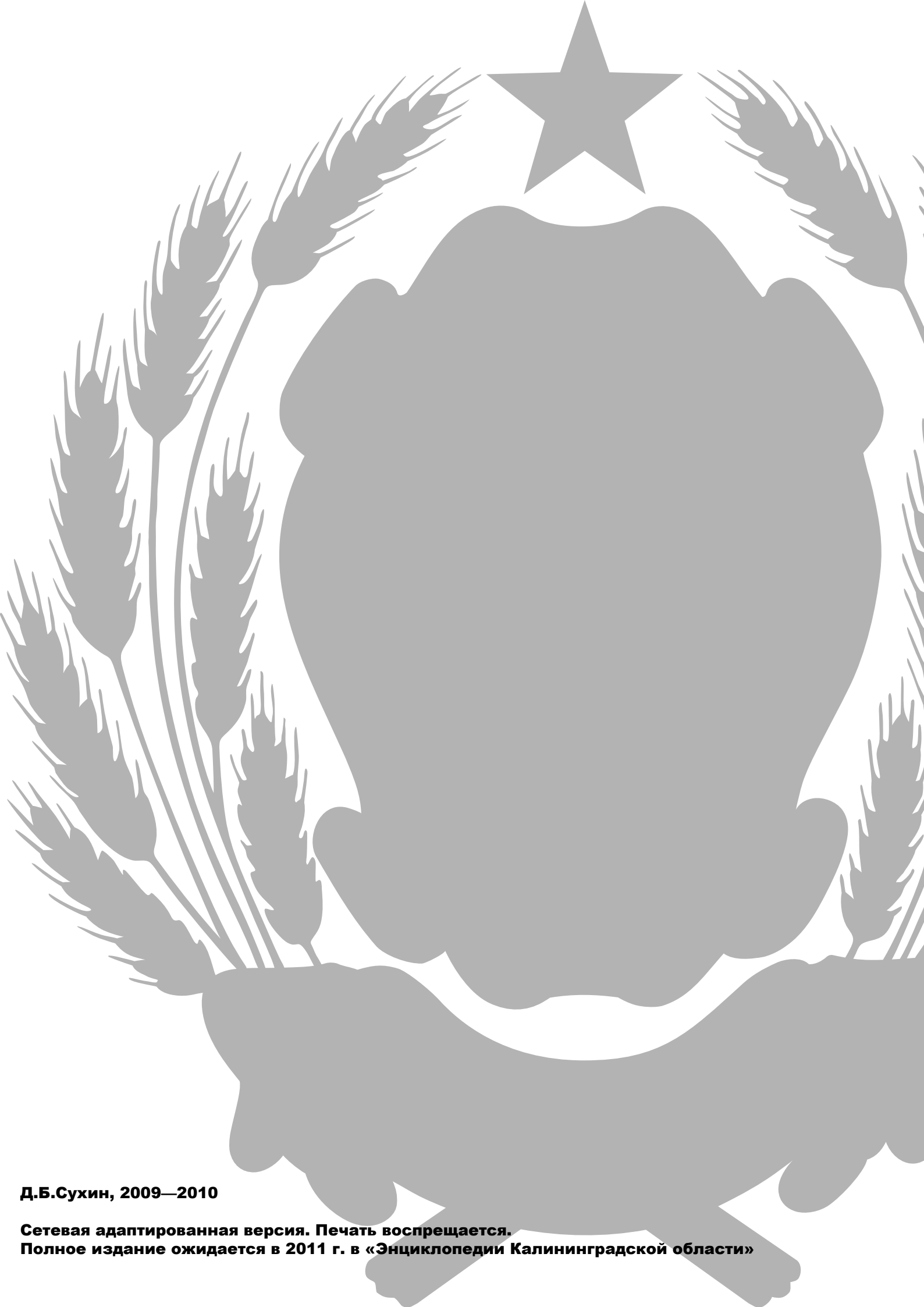
В традиции Восточной Пруссии, как бы она не называлась, было бы вновь обратиться к наивысшим достижениям современной военной и гражданской градостроительной мысли – в этом, а не в формальных играх, была бы подлинная верность месту. Примером здесь может послужить ближайший к нам период прусского возрождения, также вызванный последствиями войны и создавший Восточную Пруссию «более восточнопрусскую, чем прежняя была». Отличившись здесь, зодчие восстановления существенно повлияли на архитектуру и градостроительство Европы; уроки, здесь полученные, затронули даже и тех, кто в провинции не бывал. Впервые, пусть и несмело, сюда не только привлекались готовые теории и мотивы, но и распространялись вокруг... Быть может, и решения для современного российского градоустройства лежат в освоении здешних урбанистических угодий?

*Дмитрий Сухин
Роттердам 2010*

Источники:

1. **«Bau- und Kulturgeschichte Tilsits»**, Waldemar Thalmann, Тильзит 1923–1927 гг.
2. **«Das Bürgerhaus in Ost- und Westpreußen»**, Karl Hauke, издательство «Ernst Wasmuth», Тюбинген 1967 г.
3. **«Das Kolonisationswerk Friedrichs des Großen: Wesen und Vermächtnis»**, Udo Fröse, издательство «Vowinkel», Гейдельберг 1938 г.
4. **«Das Marienburger Treßlerbuch der Jahre 1399–1409»**, Erich Joachim, Кёнигсберг 1896 г. (переиздание издательства «Knieß», Бремерхафен 1973 г.)
5. **«Das preußische Eisenbahnnetz im Osten der Weichsel, ein Beitrag zur Verkehrsgeschichte und Statistik der deutschen Nordostmark»**, Paul Neuhaus, в журнале «Altpreussische Monatsschrift», №4-1889, Кёнигсберг
6. **«Das westliche Samland»**, тома «Fischhausen...» и «Land und Leute der Bernsteinküste...», Oskar Schlicht, издательство «Kolbe & Schlicht», Дрезден 1922 г.
7. **«Denkschrift über die Trockenlegung des Frischen Haffs und den Durchstich durch die Frische Nehrung bei Kahlberg»**, Herbert Domtra и Otto Jauer, издательство «Siede», Эльбинг 1932 г.
8. **«Der deutsche Orden und die nichtdeutsche Bevölkerung des Preußenlandes»**, Reinhard Wenskus, в сборнике: «Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte: Reichenau-Vorträge 1970–1972», Walter Schlesinger, издательство «Thorbecke», Зигмаринген 1975 г.
9. **«Der Landkreis Samland: ein Heimatbuch der ehemaligen Landkreise Königsberg und Fischhausen»**, Paul Gusovius, издательство «Holzner», Вюрцбург 1966 г.
10. **«Der Markt von Eydtkuhnen»**, Walter Wolff, в журнале «Der Städtebau», №3-1926, издательство «Ernst Wasmuth», Берлин
11. **«Der mittelalterliche Stadtgrundriß im nördlichen Deutschland in seiner Entwicklung zur Regelmäßigkeit auf der Grundlage der Marktgestaltung»**, Franz Meurer, издательство «Gerhard Stalling», Ольденбург 1914 г.
12. **«Der Ostpreußenplan»**, Bernhard von Grünberg, в журнале «Reichsplanung», №1-1935, издательство «Eher», Берлин
13. **«Der Städte-Bau nach seinen künstlerischen Grundsätzen»**, Camillo Sitte, издательство «Carl Graesser», Вена 1889 г.; **«Художественные основы градостроительства»**, К. Зитте и Я. Крастиньш (перевод), издательство «Стройиздат», Москва 1993 г.
14. **«Der Wiederaufbau Ostpreußens 1914–1919»**, Ludwig Goldstein, издательство «Hartung», Кёнигсберг 1919 г.
15. **«Der Wiederaufbau Ostpreußens: eine kulturelle, verwaltungstechnische und baukünstlerische Leistung»**, Erich Göttgen, издательство «Gräfe und Unzer», Кёнигсберг 1928 г.
16. **«Der Wohnungsbau in Deutschland nach dem Weltkriege: seine Entwicklung unter der unmittelbaren und mittelbaren Förderung durch die deutschen Gemeindeverwaltungen»**, Albert Gut, издательство «Bruckmann», Мюнхен 1928 г.
17. **«Deutsches Städtebuch, Handbuch städtischer Geschichte»**, Erich Keyser, издательство «Kohlhammer», Штутгарт – Берлин 1939 г.
18. **«Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen»**, тома: «Aus der Kulturgeschichte Ostpreußens», «Das Ermland», «Das Oberland», «Das Samland»; Adolf Bötticher, издательство «Teichert», Кёнигсберг 1898 г.
19. **«Die Durchführung der Ostpreußenhilfe und der Osthilfe in Ostpreußen»**, Ulrich Bowien, издательство «Rautenberg», Морунген 1933 г.
20. **«Die Einführung der Städteordnung vom 19. November 1808 in Königsberg in Preußen»**, Gertrud Nicolaus, издательство «Leonardy», Минден 1931 г.
21. **«Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen»**, Fritz Gause, издательство «Böhlau», Кёльн 1971 г.
22. **«Die Gestalt der Städte des neuen Ostens»**, Herbert Boehm, в журнале «Raumforschung und Raumordnung» №3/4-1941 г., издательство «Vowinkel», Гейдельберг – Берлин
23. **«Die Hygiene des Städtebaus»**, H.Chr. Nußbaum, издательство «G.J. Göschen», Лейпциг 1907 г.
24. **«Die Kunst am Hofe der Herzöge von Preußen»**, Hermann Ehrenberg, издательство «Giesecke & Devrient», Лейпциг – Берлин 1899 г.
25. **«Die landschaftlichen Grundlagen des deutschen Bauschaffens»**, Julius Schulte-Frohlinde, Walter Kratz, Werner Lindner в журнале «Der Osten», №3-1940 г., издательство «Callwey», Мюнхен
26. **«Entwurf zum Bebauungsplane für Allenstein»**, Theodor Goecke в журнале «Der Städtebau», №5-1907, издательство «Ernst Wasmuth», Берлин
27. **«Eydtkuhnen, seine Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft»**, Arthur Krüger, издательство «Freßdorf», Эйдукунен 1916 г.
28. **«Friedland als ostpreußische Kolonialstadt des Mittelalters»**, Ernst Witt, издательство Прусского музея, Кёнигсберг 1932 г.
29. **«Geschichte der Stadt Labiau»**, Wilhelm Sahm, издательство градоуправления Лабиау 1942 г.
30. **«Geschichtliche Entwicklung der Landarbeiterverhältnisse in Ostpreußen»**, Willi Klatt, издательство «Tripp», Штабфурт 1929 г.

31. **«Gründung und Entwicklung von Königsberg im Rahmen der Ostseeküste»**, W. Hubatsch в сборнике «Stadt und Landschaft in Deutschen Osten und in Ostmitteleuropa», Кёльн – Вена 1982 г.
32. **«Heimatblätter für Stallupönen und Umgegend»**, №№2/3-4, 1922–1926 г.
33. **«Heimatschutz und Bauerndorf: Zum planmäßigen Dorfbau im Deutschen Reich zu Beginn des 20. Jahrhunderts»**, Verena Jakobi, диссертация, Technische Universität Berlin, Берлин 2003 г.
34. **«Himmlers Raumplanung im Osten: der Generalplan Ost in Polen 1940–1944»**, Bruno Wasser, издательство «Birkhäuser», Базель 1993 г.
35. **«Instruktion für Bau- und Werkmeister, über die Errichtung und Anlage der bürgerlichen Wohnhäuser in den Provinzialstädten, Nebst den nöthigen Rissen, um sich derselben beim Entwerfen und Erbauen neuer Häuser als Beispiele bedienen zu können»**, F.P. Berson, Берлин 1804 г.
36. **«Kleinsiedlungen aus Friderizianischer Zeit»**, Waldemar Kuhn, издательство «Meyer-Ilsen», Штутгарт 1918 г.
37. **«Königsberg: Architektur aus deutscher Zeit»**, Baldur Köster, издательство «Husum», Хузум 2000 г.
38. **«Kunstgeschichte Ostpreußens von der Ordenszeit bis zur Gegenwart»**, A. Ulbrich, издательство «Wolfgang Weidlich», Франкфурт-на-Майне 1976 г. (репринт издания 1932 г.)
39. **«Neuere Stadterweiterungspläne in Königsberg i. Pr.»**, Former в журнале «Der Städtebau», №1-1916, издательство «Ernst Wasmuth», Берлин
40. **«Niclaus Fellensteyn, ein Marienburger Baumeister vor 500 Jahren»**, Bernhard Schmid в журнале «Die Denkmalpflege», №11/12-1919 г.
41. **«Ostpreußen: Leistung und Schicksal»**, Fritz Gause, издательство «Burkhard», Эссен 1958 г.
42. **«Ostpreußen: Städte-Atlas von Allenburg bis Zinten»**, Fritz R. Barran, издательство «Rautenberg», Бюрцбург 2002 г.
43. **«Outline of town and city planning»**, Thomas Adams, издательство «Sage», Нью-Йорк 1935 г.
44. **«Stadt- und Landhäuser in Ostpreußen»**, Richard Dethleffsen, издательство «R. Piper», Мюнхен 1918 г.
45. **«Theorie der Gartenkunst»**, Christian Hirschfeld, издательство «Weidmanns Erben und Reich», Лейпциг 1779–1785 гг. (репринт издательства «Union», Берлин 1990)
46. **«Tilsit, die Grenzstadt im deutschen Osten»**, Herbert Kirrinnis, издательство «Sturm», Тильзит 1935 г.
47. **«Über Bebauungspläne und Entwässerungsanlagen von mittleren und kleineren Städten»**, Robert Weyrauch, издательство «Konrad Wittwer», Штутгарт 1914 г.
48. **«Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, chevalier de la Toison d'or, seigneur de Santes, Willerval, Tronchiennes, Beaumont et Wahégnies»**, Ghillebert de Lannoy, издательство «Hoyois», Монс 1840 г.
49. **«Wohnungsnot und Wohnungsbau in Ostpreussen»**, Martin Pohle, издательство «Fischer», Йена 1919 г.
50. **«Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreußen von der Gründung des Ordensstaates bis zur Steinschen Reform»**, Gustav Aubin, издательство «Duncker & Humblot», Лейпциг 1910 г.
51. **«Zwanzig Jahre deutscher Siedlungsarbeit in Ostpreußen (1906 bis 1926): Ein Überblick über die Tätigkeit der Ostpreußischen Landgesellschaft zu Königsberg in Preußen»**, Helmut Wollenweber, издательство «Gräfe & Unzer», Кёнигсберг 1927 г.
52. **«Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики: Гданьск, Калининград, Эльблонг»**, И.В. Белинцева, Москва 2002 г.
53. **«История города Фишхаузен: юбилейный сборник к празднованию 600-летия города Фишхаузен, 19 августа 1905 г.»**, Г.А. Шайба и В.И. Болучевский (перевод), издательство «Калининградская городская типография», Калининград 2003 г.
54. **«Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв.»**, А.Л. Рогачевский, Издательство Юридического института, С.-Петербург 2004 г.

Д.Б.Сухин, 2009—2010

**Сетевая адаптированная версия. Печать воспрещается.
Полное издание ожидается в 2011 г. в «Энциклопедии Калининградской области»**